

Фридрих
НЕЗНАНСКИЙ

*Похищение
казачка*

Фридрих Евсеевич Незнанский
Похищение казачка
Серия «Марш Турецкого»

текст книги предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169344
Похищение казачка: АСТ, Олимп; М.; 2007
ISBN 5-17-041796-9, 5-7390-2022-0

Аннотация

Аналитик Волжского управления ФСБ обещал передать заместителю Генерального прокурора Меркулову информацию о коррумпированности своего руководства и... исчез. Теперь его ищут и волжская спецслужба, опасаящаяся разоблачения, и Генпрокуратура – Меркулов отправляет в провинцию Александра Турецкого. Цель визита: инкогнито пройти по следам секретного доклада, выяснить правду и найти аналитика – живым.

Содержание

ПРОЛОГ	5
Часть первая ЛЫСЫЙ МИЛЛИОНЕР	14
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Фридрих Незнанский

Похищение «Казачка»

Ясь отнял у Здисека игрушку. Здисек пожаловался на Яся своему старшему брату. Старший брат Здисека немедленно отправился на двор и дал Ясю пинка. Ясь побежал на фабрику безалкогольных напитков, расположенную по соседству, где работал его взрослый брат, и сообщил ему о пинке. В тот же день вечером брат Здисека был жестоко избит. Отец избитого был приятелем хозяина фабрики безалкогольных напитков, где работал виновник избиения. Брата Яся уволили с работы. Но его тетка служила кухаркой у свояченицы жены начальника управления местной промышленности, и хозяина фабрики безалкогольных напитков лишили лицензии. Племянник хозяина фабрики безалкогольных напитков работал в тайной полиции. И начальник управления местной промышленности был арестован. Губернатор, дальний родственник арестованного, счел это произволом и обратился за помощью к столичным властям. Правительство страны, опасаясь возрастающего влияния полиции, обеспечило себе поддержку армии и лишило министра внутренних дел его полномочий. Влияние армии усилилось. Однако, несмотря на энергичные шаги правительства, Здисек игрушку обратно так и не получил, она осталась у Яся. Но Ясь тоже недолго радовался игрушке. У него ее отнял Юзик, брат которого служил в Первой Гвардейской танковой дивизии.

Славомир Мрожек «Внутренняя политика»

ПРОЛОГ

Поезд был современный. Кондиционер спасал от жары. Работало радио.

«Вы знаете, как изменился мир за неделю? Выпущено более 17 900 наименований книг. На образование потрачено более 21 840 000 000 долларов США. Суммарное время, проведенное пользователями в сети Интернет в ожидании загрузки файлов, составило более 574 900 000 часов...»

Филипп Смоляков умел делать несколько вещей одновременно. Радио он слушал, а еще – читал газету.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ ОБНАРУЖИЛО «АЛКОГОЛЬНУЮ ТЕМАТИКУ» НА ШКОЛЬНЫХ ТЕТРАДЯХ

На коллегии Минобразования министр продемонстрировал отпечатанные в Волжске тетради, на обложках которых присутствовала «алкогольная тематика». Так, на обложке тетради по химии был изображен автор периодической системы химических элементов Дмитрий Менделеев с подписью «Менделеев открыл сорокаградусную водку, потом он открыл девятнадцатиградусный портвейн. И только утром великий ученый открыл, что их нельзя смешивать». А на тетради по геометрии был изображен человек с граненым стаканом в одной руке и сигаретой в другой. Надпись на обложке гласила «Лицо – синус, глаза – косинус». Министр посетовал на то, что Минобразования может контролировать только выпуск учебников, а оформление тетрадей регулировать не может, поскольку лицензии на печать тетрадей выдает Министерство культуры и массовых коммуникаций. Министр образования пообещал провести совещание с Минкультом на эту тему.

Смоляков улыбнулся. Об этих тетрадях он уже слышал. В его родном Волжске поговаривали, что они разлетелись неслыханным тиражом.

Смоляков отложил газету и потянулся. Хорошо ехать в поезде. Хорошо ехать в спальном вагоне. Хорошо ехать с приятным попутчиком. Хорошо ехать с очаровательной попутчицей! Удивительно, но факт – ему повезло! Все слышали, да и сами рассказывали миллион историй про железнодорожные романтические приключения (проводницы, «зайцы» женского пола и т. д.), но ведь все же и знают, что обычно это враки. А тут все вышло наяву. Смоляков не смог взять билет в обычный купейный. Потом не смог даже в плацкартный. А потом каким-то чудом в кассе всплыло одно место в спальный вагон. Ну и что с того, что в два раза дороже? Во-первых, деньги были, а во-вторых, не в деньгах счастье. Кому это знать, как не кадровому офицеру службы госбезопасности, у которого не зарплата, а кошачьи слезы, но зато случаются всякие приятные неожиданности.

И романтические, и финансовые. Вот так и вышло накануне. Во-первых, совершенно неожиданно обломила приличная сумма. Во-вторых, такая женщина! Ну а в-третьих, и это являлось самым важным, поездка Смолякова в Москву – это была его услуга товарищу, и это обстоятельство перевешивало два предыдущих. И вот результат: он с комфортом путешествует из Волжска в столицу, а рядом с ним роскошная брюнетка неопределенного возраста, от восемнадцати до тридцати, впрочем, не старше.

Суть путешествия была очень проста. Нужно было отвезти конверт, который Олег не рискнул отправлять почтой. Почему – это его дело, Смоляков умел не задавать лишних вопросов. Олег сказал, что это очень важно, и Смоляков, не задумываясь, согласился. У него был отпуск. Через неделю он собирался в Анталию, а пока вполне мог себе позволить произвольные телодвижения.

Олег снабдил его деньгами на дорогу, и Смоляков, посопротивлявшись, уступил. В конце концов, чем не командировка? Тем более что в обычное, служебное время Олег был его непосредственным начальником.

А попутчицу звали Аля. Алина. Зеленые, чуть раскосые глаза, черные волосы, четко очерченный рот. Смоляков с трудом отводил от нее взгляд. Москвичка, в Волжске она была по делам своей консалтинговой фирмы (вероятно, это касалось предстоящих в Волжске выборов мэра, предположил Смоляков) и вот теперь возвращалась. Вела себя Алина очень естественно и раскованно, а главное, была не по-женски остроумна и в то же время доброжелательна.

В сочетании с внешностью, это не могло не располагать даже такого матерого бонвивана, каким в своем узком кругу слыл, да и на самом деле был Филипп Смоляков. Кроме того, Аля не проявила ни полграмма традиционной женской любопытности, не поинтересовалась, чем Смоляков занимается, женат ли он, да и прочими частными подробностями. Они сходили в вагон-ресторан, выпили красного вина, легко поужинали, вернулись в купе, закрыли дверь и через несколько минут непрекращающихся поцелуев легко и непринужденно занялись любовью. В общем, ночью не спали совсем. Все было как-то замечательно и как-то... необычно. Например, даже после близости они так и не перешли на «ты», но не чувствовали в этом никакой неловкости или натянутости.

В общем, Смоляков был рад неожиданному путешествию и вдвойне рад этой встрече. Когда человек работает в такой организации, как Смоляков, он неизбежно чувствует себя заключенным в чудовищный механизм, из которого не выбраться. Всюду, в любых рабочих моментах царит если не страх, то суперосторожность и гиперподозрительность, которая проявляется в трагикомической игре в таинственность, нарочитом вуалировании событий, во всеобщем лицемерии и недоверии. Любая встреча двух людей рождает взаимные подозрения, что видно уже по тому, как они приветствуют друг друга. И вот он вырвался на несколько дней...

Они уже позавтракали и теперь предвкушали первую большую остановку на пути в столицу. Алина сходила помыть руки, теперь вернулась и прилегла на полку, примостив голову на колени Смолякову. Он отложил газету и потянулся. Хорошо ехать в поезде, хорошо ехать с очаровательной попутчицей!

Алина закурила длинную тонкую сигарету и сказала своим мелодичным грудным голосом:

– А вот... как вы полагаете, Филипп, сколько мне лет?

Смоляков, который уже немало размышлял над этим, сознался:

– Сказать по правде, я в полном недоумении. Мне всегда казалось, что я неплохо разбираюсь в таких вопросах. В конце концов, есть объективные вещи во внешности, которые не врут. Шеи там, руки...

– Вы безусловно опытный мужчина, – тонко улыбнулась Алина. – Чувствуется...

– Но у вас... все такое. Просто не знаю, что ответить. Хотел бы, допустим, увидеть вас рядом с...

– Кем же?

– Вашей мамой, например.

– Вы бы все равно ничего не поняли.

– Почему же?

– О, – засмеялась Алина, – французы говорят так: если вы видите двух похожих девушек и у одной из них юбка короче, значит, это мать!

– Ну... К нашим условиям это мало подходит. В России большинство матерей удерживают позицию вечной опекуни.

Алина кивнула и добавила:

– А еще защитницы или вовсе – диктатора. Хотя времена меняются, кое-кто примеряет роль подружки, наперсницы, а то и соперницы.

– Тогда тем более интересно было бы посмотреть.

– Вот значит как. Набиваетесь ко мне в гости? Смоляков тщательно выбирал слова.

– Дело в том... Я не буду в Москве ничем занят... Почти. У меня есть несколько свободных дней, и я был бы рад увидеться снова.

Алина ненадолго задумалась.

– Давайте так. Ничего не стану обещать заранее, Филипп, но это не исключено. Я ведь пока не знаю своего рабочего графика. Я возвращаюсь из командировки раньше запланированного срока и не знаю, что сейчас ждет меня на работе.

– У вас ничего не случилось?

– Трудно сказать. Наша компания продвигала на рынок полиграфическую продукцию и добилась в Волжске совсем... незапланированных успехов. – Алина улыбнулась краешком рта. – Теперь начальство это беспокоит!

У Смолякова в голове что-то шевельнулось. Может быть, она занимается не выборами?

– Подождите, Алина... Неужели тетрадки с алкогольной тематикой – ваших рук дело?

Она посмотрела на него как-то по-новому:

– Я поражена. Но как вы догадались?

– Честно говоря, случайно. – Филипп вовремя сообразил, что надо держаться по-прежнему просто, ни в коем случае «не выходить из отпуска», не превращаться в того, кем он был на самом деле – фээсбэшника-аналитика. – Ткнул пальцем в небо и угадал. Консалтинговый консультант возвращается из командировки раньше времени, верно? А Министерство образования сейчас как раз громит это дело, вот только что прочитал. – Он кивнул в сторону газеты.

– Сопоставили факты... Вы проницательны. Ко всем прочим достоинствам.

– Просто повезло.

– Не скромничайте. Смоляков почувствовал, что надо срочно менять

акцент разговора, демонстрировать интерес не к себе любимому, а по-прежнему к ней.

– Слушайте, но интересно, неужели на каких-то тетрадках можно было крупно заработать?

– Тираж очень большой. Но это нас не касается. Мы же не производители. Мы занимались маркетинговой стратегией, продвигали новый товар на рынок.

– На чем же строился расчет? – удивился Смоляков. – Детишки заинтересуются портвейном? Или их родителей непременно надо снабдить сведениями о том, что там такое полезное для организма Менделеев изобрел?

– Да бог с ними, с этими тетрадками, – уклонилась Алина. – Там свои хитрости, неужели вам так интересно?

– Мне интересно, – сознался Смоляков, – когда мы увидимся в следующий раз.

Она погрозила пальчиком:

– Но мы еще и не расстались! И потом, я уже все объяснила. Так что пока не настаивайте, милый... – Алина приподнялась и легонько прикоснулась губами к его виску.

Смоляков хорошо знал, как надо вести подобные разговоры, и ни на чем не настаивал. Он просто оставит ей свой телефон, и она позвонит. Может быть. А если не позвонит, значит, так тому и быть... С одной стороны, он, офицер ФСБ, обладал некоторыми возможностями, которых лишены обычные люди, и был в состоянии сам найти Алину. Что ж, время покажет... С другой стороны, Смоляков чувствовал, что внутри у него происходит что-то необычное. Как знать, может быть, он встретил женщину, которая предназначена для него самой судьбой?

Смоляков заметил, что она безотрывно смотрит в окно, за которым проносился нескончаемый русский пейзаж.

– Любите путешествовать поездом?

– Как вы снова догадались?!

– Я просто спросил. Действительно угадал? Значит, мне снова повезло.

– Начинаю чувствовать себя под рентгеном. Так вы скоро все про меня узнаете... Все, милый, все, больше никаких вопросов. – И она закрыла ему рот поцелуем. Смоляков успел подумать, что с ним определенно происходит что-то незаурядное, особенное, что сегодня, быть может, очень важный день в его жизни... быть может, самый важный?

Они снова занимались любовью. Тело женщины стало для него как море для рыбы, как солнце для растений, и в то же время они становились как бы единым телом, он зависел теперь от этого единства. Ему почему-то не доставало тепла, и он должен был заимствовать у нее, обвив руками ее узкие сильные плечи. Иначе чувствовал себя незащищенным. Не переставая, он бормотал про себя ее имя...

– Приехали, – сказала вдруг Алина.

Смоляков не сразу понял, о чем она. Он глянул в окно и спохватился – это же та самая долгожданная, «длинная» – целых двадцать минут – остановка. Облезлый вокзальный домишко венчала вывеска «Смоляковка». Филипп еле удержался, чтобы не захохотать (вот так совпадение!), удержался с трудом, но все же не до конца – расплылся в улыбке. Алина посмотрела на него вопросительно.

– Настроение хорошее, – объяснил Смоляков.

– Это и впрямь замечательно. А теперь... я должна переодеться, – торжественно объявила дама.

– Можно подумать, вы в театр собираетесь, – еще шире улыбнулся Смоляков. – А всего-то – по перрону прогуляться.

– Можно так подумать, – абсолютно серьезно кивнула Алина, и Смоляков понял, что намерений этих не изменить.

Он решил не ждать ее и вышел на перрон, как был, в футболке с надписью «Манчестер Юнайтед», шортах и шлепанцах. Он ведь не собирался в театр.

На перроне смоляковские бабушки продавали фрукты, овощи и прочую снедь. Наиболее деловитые торговки сновали возле тамбуров, предлагая самый ходовой, с их точки зрения, товар:

– Сигареты! Покупаем сигареты!

– Беленькая, беленькая, кто водочки забыл в дорожку?

– Копченые цыплятки холодненькие!

– Мороженое! Фруктовое, шоколадное, с орешками!

Смоляков увидел трогательную худую старушку, возле которой стояло ведро с огромными грушами, и направился к ней.

– Я не люблю груши, – прозвучало сзади.

Он повернулся. Увидел, что Алина действительно переоделась. Была она в кроссовках, джинсах и рубашке навыпуск. И еще в черных очках.

– В театр не годится, – резюмировал Смоляков.

– Смотря в какой, – не согласилась попутчица.

Они погуляли по перрону. Позади вокзала виднелся поселок, обрамленный с трех сторон густыми рощами, а с четвертой – извилистой шустрой речушкой.

Смоляков закурил, а изысканная попутчица, к его удивлению, вдруг захотела пирожков. «Ну и что, – подумал Смоляков, – ну и прикольно даже, мне ведь всегда нравились женщины, которые меня чем-то удивляли».

Смоляков вспомнил, что оставил в купе конверт Олега – подлинную причину его поездки в Москву. Конверт, правда, лежал в скрытом кармане дорожной сумки, так что непосвященному найти его было мудрено.

Олег при прощании был сдержан, но просил к конверту отнестись «вдумчиво». На их языке это означало – бдительно. На конверте были написаны цифры – номер индивидуального почтового ящика в здании московского Центрального телеграфа, куда его надо было опустить.

Смоляков просьбу друга и коллеги (да и начальника!) выполнил – к настоящему моменту, разумеется, а доберется до Москвы – сделает и все остальное. Во-первых, он добрался до вокзала так, что если бы кому-то взбрело в голову следить за ним (хотя кому?), то уж заподозрить отъезд – точно бы не получилось. Он вышел из дома с мусорным пакетом, в шлепанцах и шортах. Мусор, однако, не выбросил, а, зайдя в подъезд соседнего дома, достал из пакета более приличную одежду и переоделся. К этому времени подъехало такси. Через четверть часа Смоляков был на вокзале. С билетом, правда, вышло не очень ловко и оперативно, но что ни делается – все к лучшему, зато он несколько раз *проверился*. Слежки не было.

Для себя Смоляков сделал простой и логичный вывод: у Олега, видимо, были какие-то служебные неприятности, и он хотел с кем-то в Москве посоветоваться. Смолякову так показалось, по крайней мере, других версий не возникло. Расспрашивать он не стал, а Олег сам ничего не говорил. Ну это ничего, придет время – расскажет, а нужна будет снова его помощь – Филипп, не задумываясь, ее окажет. На то ведь они и друзья.

В прошлом году у них в отделе вышел неприятный случай. Во время дежурства Смолякова пропал важный документ. Даже не то чтобы он был очень важный – содержал в себе заурядную служебную информацию, просто набор фамилий и адресов каких-то людей. Смоляков из помещения не отлучался, но документ исчез. Смоляков подозревал, что на самом деле его и не было – ошибка, скорей всего, была совершена при факте регистрации входящей почты. Но доказать уже ничего не мог. Если бы это стало известно начальству управления, Смоляков был бы немедленно уволен, да и вообще о ФСБ можно было забыть. И Олег его выручил, прикрыл. Каким-то хитрым образом (правда, на то он и слыл асом аналитики!) он смог вытащить из насквозь засекреченных и запароленных федеральных сетей нужную информацию, распечатал ее и оформил задним числом – прежде, чем бумага легла на стол к начальнику областного управления. Фактически он пошел ради друга и подчиненного на должностное преступление. Смоляков потом так ему об этом и сказал, но Олег только отмахнулся. «Не городи чушь, – сказал Олег, – я нарушил инструкции только потому, что инструкции на девяносто процентов идиотские и бюрократические. Мы не на войне, и такая дебильская секретность никому не нужна, но пойди объясни это важным московским перцам!»

Так что история оказалась просто неприятной, а могла выйти и непоправимой, если бы не Олег. А то, что конверт остался в купе, и впрямь не страшно. По перрону можно гулять так, что купе будет видно, да и в спальном посторонние не шастают.

Через пять минут после того, как Алина съела пирожки (один с картошкой, один с курагой), у нее заболел живот. Смоляков понял это по ее лицу, прежде чем она что-то сказала. Прихватило, видимо, здорово. В конце концов, Алина не выдержала и ушла в привокзальный туалет.

Прошло десять минут, Смоляков выкурил еще две сигареты и забеспокоился. До отхода поезда было уже всего ничего, а Алина не появлялась. Вот черт. Не хватало только, чтобы эта роскошная романтическая история так нелепо закончилась – оставить женщину в привокзальном туалете! Просто поручик Ржевский. Кстати, когда-то еще в училище именно поручиком его друзья и называли – в силу увлеченности прекрасным полом и слегка отчаянного

нава. Поручик отшвырнул сигарету и вбежал в вокзал. Быстро нашел туалет, стукнул в женскую дверь и вошел вовнутрь. Для провинциального вокзала здесь было удивительно чисто.

– Аля? Алина?

– Филипп, – раздался сдавленный голос, – это вы? Помогите мне...

Смоляков, не раздумывая, чем он, собственно, может помочь, рванул на себя дверь единственной закрытой кабинки. Алина стояла, наклонившись лицом к унитазу, лицо ее было сведено судорогой. Ее тошнило.

– Милый, – прошептала она, – что-то мне... проклятые пирожки... Милый, у меня нет... – Последнее слово Смоляков не расслышал.

– Сейчас поезд уйдет, – сказал он. – Давай я помогу тебе вернуться, а в поезде мигом доктора найдем. Только потерпи, ладно? – Он подставил ей плечо, не очень веря в то, что это происходит на самом деле – как это его, матерого самца Филиппа Смолякова, охмурила баба, с которой он знаком меньше суток?! – Я не понял... чего у тебя нет?

– Глушителя, милый.

Теперь Смоляков слово услышал и смысл его понял, но еще прежде почувствовал приятное холодное прикосновение к груди. Он успел услышать выстрел и даже успел удивиться. Ему показалось, что умирает он очень долго, гораздо дольше, чем жил все свои двадцать девять лет, умирает от рук прекрасной женщины, и это, в общем, даже совсем не обидно, от этого скорее хочется улыбнуться. Плохо только, что он подвел друга. Теперь все стало понятно. Но теперь его жизнь получила логическое завершение – немного нелепая, хаотичная и экспрессивная... Можно было бы, конечно, и получше, и наверняка бы у него вышло, проживи он еще несколько десятков лет. Но вышло как вышло.

На самом деле он умер меньше чем через три секунды. Она прижимала пистолет так плотно к его телу, что выстрелы снаружи слышны не были. Смоляков услышал только первый, разорвавший ему печень. Потом было еще три – два в сердце и последний – в голову.

Через несколько секунд Алина вышла из здания вокзала и неторопливым шагом двинулась в сторону поселка. Прошла полсотни метров по липовой аллее, свернула на пыльную дорогу и остановилась. Она не испытывала никаких особых чувств, скорее легкое опустошение, как всегда бывает по окончании непростой работы с длительным напряжением и концентрацией внимания. В конце концов, они оба были профессионалами – и она, и этот «командировочный», как она его про себя называла. Она не сомневалась, что он из органов, уж очень характерно себя вел, просто, скорей всего, был не оперативным сотрудником, вот и подставился. Расслабился, утратил контроль, позволил эмоциям доминировать. И проиграл... Как знать, может быть, когда-нибудь и она проиграет, но... только не теперь. Еще не скоро. Она чувствовала, что находится в хорошей форме. Она все сделала безукоризненно. Не давала ему времени опомниться. Ничего не спрашивала о поездке в Москву, о работе. Подсунула газету, где была расписана история со скандалом вокруг школьных тетрадей, и он с легкостью заглотил наживку. Мужчине захотелось поверить, что она стильная столичная штучка, пиар-консультант, и он поверил... Она не думала, что он был за человек, о чем думал, мечтал, к чему стремился, что любил и ненавидел. Он для нее больше не существовал. Он, впрочем, и правда больше не существовал.

Алина вдруг вспомнила, что у Бунина был такой рассказ, о том, как на пароходе поручик встретил прелестную маленькую женщину, они понравились друг другу, сошли на берег, провели ночь в гостинице, а утром она ушла – села на следующий пароход, причем ему запретила следовать за собой. И вот когда она ушла, он понял, что пропал, погиб, влюбился, чудовищно, непостижимо и непоправимо. Он не знал, куда идти, что делать, и чувствовал себя постаревшим на десять лет. Замечательный рассказ. Была в нем какая-то тоска и надломленность, но – замечательный... Этот парень, «командировочный», кстати, походил на поручика. В прежние времена он точно был бы поручиком.

Алина любила Бунина. Его истории о любви ей нравились с юности. В них все было... как бы это сказать... не так, как в жизни, а как может быть в жизни, вот! Сначала, правда, женщина в том бунин-ском рассказе говорила: «Я, кажется, пьяна... Откуда вы взялись? Три часа назад я даже не подозревала о вашем существовании». И так далее. Вот так бывает и у нее, у Алины. Она часто встречается с новыми людьми. Кто-то нравится ей больше, кто-то меньше. Но это не имеет никакого значения. Она привыкла к тому, что привыкать ни к кому нельзя. Надо быть сильной. Надо работать. Надо откладывать деньги. Надо осуществить *свою* мечту...

Спустя минуту рядом с ней остановился черный джип «Судзуки» с волжским номером. Алина забралась на заднее сиденье машины, и та сразу тронулась с места. Кроме бородастого водителя, в машине никого не было. Он был в черной футболке, смуглый. Смуглый от природы или загара? Трудно сказать. Кавказец? Может, да, может, нет. Не оборачиваясь, бородач сказал:

– Как дела?

– Ничего особенного, – пожала Алина изящными плечиками. – Работа как работа.

– Жеребец хотя бы хороший попался? – весело спросил водитель джипа. У него не было никакого акцента, ни кавказского, ни намека на другой.

– Это, извините, не ваше дело.

– Не спорю, – с легкостью согласился он. – Вы выполнили заказ?

На повороте он немного повернул голову вправо, футболка чуть съехала, и на основании шеи Алина увидела у него маленький шрам.

– Я профессионал. – Она приподняла край рубашки и вытащила из джинсов конверт, который отыскала в сумке у своего попутчика, пока он гулял по перрону.

Человек со шрамом на шее забрал конверт, повертел в руках. Проверил, распечатывался ли – нет, не распечатывался вроде бы... метнул на Алину быстрый взгляд. Спросил:

– Что значат цифры на конверте?

– Откуда мне знать? Сами разбирайтесь. Где мои деньги?

– Позади вас. Не отводя взгляда от мужского затылка, Алина поискала рукой. Нашла пластиковый пакет. Положила его к себе на колени, раскрыла. Внутри лежали две пачки денег. Она проверила – в пачках все купюры были сотенные, никакого обмана.

– Двадцать тысяч, пересчитывайте, если хотите. Алина фыркнула и положила пакет рядом, на сиденье.

– Дайте оружие, – сказал мужчина.

Она вытащила из пояса джинсов пистолет Макарова, из которого десять минут назад застрелила Смолякова. Мужчина внимательно наблюдал за ее действиями. Она не сомневалась, что у него под рукой сейчас тоже есть оружие. Это подтверждало и то, что он произвольно сбросил скорость. На всякий случай она вытащила из Макарова обойму, тщательно вытерла пистолет, чтобы исключить даже намек на отпечатки пальцев, и протянула оружие водителю джипа. Он хмыкнул и сунул пистолет в бардачок.

Борода у него была, конечно, бутафорская, но скрывала черты лица совершенно. Алина первый раз общалась с этим человеком лично. Заказ она получила по электронной почте, а пистолет в пакете был оставлен в условленном месте. Теперь у нее была возможность познакомиться с заказчиком (Алина не сомневалась, что это он и сидит за рулем – какой смысл посреднику так наряжаться?). У Алины имелась своя персональная профессиональная страховка. Обычно она старалась тайно сфотографировать людей, которые давали ей поручения подобного рода, и сейчас для этого у нее был крошечный фотоаппарат, объектив которого имитировал пуговицу. Дождавшись подходящей ситуации, Алина сделала два снимка: лицо, обрамленное густой рыжеватой бородой, – в зеркале заднего вида – и шею со шрамом.

– Может быть, включите радио? Он кивнул и включил приемник. Она попыталась угадать за считанные секунды, на чем он остановит свой выбор – классика, шансон, попса, музыка потяжелее? Остановилась на попсе. И не угадала – бородач включил джаз.

Алина приоткрыла стекло и закурила. Немного расслабилась. Кажется, все тут были настоящими профессионалами и убирать ее никто не собирался. В конце концов, таких специалистов еще поискать. Пиар-консультантов, ха-ха...

Но женщина все-таки остается женщиной. Любопытство взяло верх. Теперь-то она может себе его позволить, да и дорогу надо скоротать. А не захочет отвечать – что же, можно будет и помолчать.

– Я так и не поняла, – сказала Алина вполне равнодушным тоном. – Зачем вы сначала снабдили меня оружием, а потом потребовали его назад?

Водитель не ответил. Алина медленно курила и ждала. Наверно, не ответит вообще... И она снова не угадала.

– Пули-то остались в теле, – напомнил водитель. – И гильзы рядом валяются. Вы же их не трогали?

– Я все сделала по контракту.

– Очень хорошо. Значит, пистолет мне еще пригодится.

Алина сдвинула брови. Что-то не складывалось. Обычно оружие уничтожают. Или оставляют на месте преступления. В данном случае пистолет ей выдал заказчик. Пистолет Макарова. И этот «Макаров» был табельным оружием, она видела номер – спилен он не был, как случается в подобных случаях... Теперь бородач забрал его назад. Почему?... Вдруг она поняла.

– Что вы станете с ним делать?

– С кем?

– С пистолетом.

– Да ничего. Пусть себе валяется. До поры до времени.

По тону, которым он это сказал, Алина поняла, что больше уже ничего не услышит. Но и того, что было произнесено, оказалось достаточно. Табельный «Макаров» ведь кому-то принадлежит. И убийство человека из поезда (кем бы он на самом деле ни был) при необходимости можно будет повесить на владельца «Макарова». Что ж, это больше ее не касается. Ее «пальчиков» на «пушке» нет. В поезде ее тоже никто не видел – когда проводница проверяла билеты, она успела выйти в туалет, оставив свой билет попутчику. Больше к ним в купе никто не входил. В вагоне-ресторане она села таким образом, что официантка видела ее только со спины. Правда, потом вместе с попутчиком Алина прогуливалась несколько минут по перрону, но была уже в черных очках, которые, как известно, украшают лицо женщины, но обезличивают его совершенно. Никто не сможет изобразить ее портрет. Никто не сможет связать ее с убитым фээсбэшником. Никто не сможет ее найти. Еще никому не удавалось. И довольно об этом думать. Нужно вообще перевести разговор на иную тему, чтобы и заказчик больше не напрягался – относительно ее вопросов об оружии. И она спросила:

– Куда вы теперь едете?

– Угадайте, – хмыкнул водитель джипа.

– Возвращаетесь в Волжск? Кивок головой.

– Тогда отвезите меня в аэропорт. Я ненавижу поезда.

Он засмеялся, хотя шутка была так себе, она сказала это, просто чтобы что-то сказать. «Вот этот тип явно Бунина любить не может, – подумала Алина. – Если вообще читал когда-нибудь».

– Вообще-то сейчас мы почти в Московской области, – заметил водитель. – Не проще ли вам добраться до Москвы?

– Разве я сказала, что собираюсь лететь в Москву? – отрезала Алина, и на этом все разговоры были закончены.

Поздно вечером они подъезжали к Волжску. Она опустила стекло и высунула голову наружу. Впереди была темнота и огни. Из темноты бил в лицо сильный мягкий ветер, ей казалось, она чувствует запах Волги. Настроение стало лирическим. На секунду перед ней всплыло лицо человека, с которым она ехала в поезде. Алина помотала головой и отогнала это видение. Пожалуй, сейчас она бы съела какой-нибудь фрукт. Например, грушу.

На окраине Волжска, в полусотне метров от аэропорта, водитель джипа высадил ее.

– Сотрудничество будет продолжено? – спросил он.

– У нас с вами не сотрудничество, а аккордная работа. Как меня найти, вы знаете. Но на то, что я отзовусь в следующий раз, гарантии быть не может.

Лицо под бородой немного шевельнулось. Что это было, улыбка или гримаса?

– Не работаете дважды с одним и тем же заказчиком?

– Оставляю это на свое усмотрение.

Часть первая ЛЫСЫЙ МИЛЛИОНЕР

Почему мы покупаем книги, которые потом не читаем?

Этим вопросом задался Александр Борисович Турецкий, прохаживаясь вдоль книжных полок магазина «Москва» на Тверской. Немного подумал и сформулировал для себя несколько ответов.

Во-первых, возможно, потому, что покупаем их не для себя, а, скажем, в подарок. Лучший подарок – это книга.

Во-вторых, потому, что они заваливаются за диван.

В третьих, нам некогда.

А на кой черт тогда покупаем?!

А потому что – в отпуск. В от-пуск!

Тут раздался голос, усиленный динамиками по всему магазину:

– Уважаемые покупатели! Сегодня в нашем магазине гость – знаменитый волжский писатель, автор детективов и бестселлеров «Не люби меня, мама», «Мой любимый враг», «Киллер-двоечник» – Антон Пятибратов. Вы можете получить его автографы прямо сейчас, в отделе художественной литературы...

Турецкий решил взглянуть на знаменитость. Кто это вообще такой?

Пятибратов сидел в специально отведенном за-гончике и откровенно скучал. Это был загорелый мужчина лет сорока с круглой физиономией, вид у него был бесшабашный и одновременно лукавый. Не то музыкант из ночного клуба, не то террорист, вместо четок перебирающий игрушечные бомбы. Впрочем, творческие личности часто выглядят довольно неожиданно. Перед ним высилась стопка книг, которые предположительно должны были разлетаться как горячие пирожки – в присутствии автора и с его дарственными надписями... Впрочем, нет, кажется, публика начинала подтягиваться.

Турецкий вытащил телефон и позвонил домой:

– Ирка, только представь! Мы лежим на горячем песке. Солнце высоко, час отлива, пляж совершенно пуст, море удаляется от берега, и только одинокие волны возвращаются с шумом, обливают нас снова и снова, а нам все нипочем, лежим на сухом берегу.

– Как же на сухом, если – волны? – сказала жена после паузы. И таким голосом, что у Турецкого во рту пересохло. Как восемнадцатилетняя девочка сказала.

– Так ведь солнце высоко, – напомнил он. – Ладно, ты мне вот что скажи. Знаешь такого великого писателя земли русской Антона Пятибратова?

– А что?

– Я про книжки. Прихватить нам в дорогу?

– С ума сошел?! – Восемнадцатилетняя девочка испарилась.

– Почему? Вот он тут передо мной, во плоти, куплю книжку, а он тебе ее подпишет...

Будешь потом на работе хвастать. Ага?

– Турецкий, не смей!

– Да почему?

– Потому что это дрянь редкостная, так что лучше не нарывайся, не трогай ящик Пандоры. То есть – мой, – уточнила Ирина Генриховна.

– Напугала... Кстати, вот интересно. Все знают про ящик Пандоры, но никто не помнит, кто его открыл. То есть... почему считается, что его нельзя открывать? Его вообще кто-нибудь открывал?

– Открывал.

– И кто же?

– Эпиметей.

– Это еще кто?

– Муж вышеупомянутой Пандоры.

– Хм, чаще бывает наоборот, жена лезет куда ни попадя... Подожди, Ирка, у меня тут сообщение с работы пришло...

– Ты в отпуске, – напомнила супруга. – Покупаешь нам чтиво в дорогу. Но только не Пятибратова!

– Да я помню, не волнуйся. Но Костя просит в офис заскочить, подписать какие-то бумаги. Я скоро буду. А книжек все равно еще не купил, так что подумай пока сама...

Недолго поколебавшись, Турецкий все-таки купил книжку Пятибратова и даже сунул писателю для автографа. А пусть будет.

И почти сразу же к Пятибратову устремилась приличная толпа. Турецкий удовлетворенно кивнул сам себе. Может, и в самом деле стоящий писатель, а Ирка ничего не понимает со своим выверенным академическим вкусом!

От книжного до Большой Дмитровки было рукой подать, но Турецкий всю дорогу напоминал себе, что согласно его нынешнему статусу человека, свободно проводящего время, двигаться нужно расслабленно, и дверь кабинета своего шефа он открыл только полчаса спустя.

– Давно пора, – кивнул ему Меркулов. – Я вас ждал, Александр Борисович.

– Серьезно? – Прежде чем сказать это, Турецкий невольно посмотрел по углам кабинета, они были вдвоем, и причем говорили на «ты» с незапамятных времен. Так в чем же дело?

– Ну не чтобы уж совсем, – признался Меркулов. – Но я установил, что такое начало беседы достаточно эффективно и создает атмосферу доверия.

– Зачем же ты губишь эту атмосферу, открывая ее секрет?

– Все мы далеки от совершенства, – пожал плечами Меркулов.

Жара в кабинете стояла удушающая, несмотря на вращающийся влево-вправо вентилятор.

– Кондиционер накрылся, – пожаловался Меркулов, и это была не бессмысленная реплика – у Меркулова уже давно пошаливало сердце. Как бы в подтверждение этих слов он сказал: – У нас проблема, Александр.

– У нас проблема?

– Да. И как сказал один спортивный комментатор, проблему мало видеть, мало замечать, что что-то не так, и даже недостаточно об этом громогласно заявить. Проблему нужно правильно поставить, и только это приблизит тех, кто ее решает, – к решению, а тех, кого она интересует, – к пониманию.

– Костя, – осторожно поинтересовался Турецкий. – О чем ты сейчас говоришь? Ты сам это знаешь? И ты перед собой уже поставил эту самую проблему?

– Еще бы, – спокойно кивнул Меркулов. – Я говорю о коррупции.

– Эка невидаль. Все говорят о коррупции. Моя жена говорит о коррупции. Моя дочь говорит о коррупции. У них в гимназии черт-те что творится. Моя кошка говорит о коррупции!

– Разве у тебя есть кошка? – заинтересовался Меркулов.

– Нету, слава богу. Но если бы была... А главное, я не понимаю, какое отношение эта всеобъемлющая тема имеет к моему отпуску.

– Самое непосредственное.

– Костя...

– Саша, твой отпуск придется приостановить. Вместо него – командировка. Но тоже неплохая. На Волгу.

– Жену с собой можно взять? – машинально спросил Турецкий, как бы еще не до конца понимая суть происходящего.

– Ни в коем случае! – испугался Меркулов.

– Слава богу. Но вообще-то я никуда не поеду. Я в отпуске, – напомнил Турецкий. – Я не ухожу в отпуск, если ты забыл, я уже в нем – и почти неделю.

Меркулов расстроился. Или сделал вид.

– Саша, прошу по-дружески, ты же добрый товарищ, ты мне не откажешь.

– Знаешь, как Раневская говорила? – тут же откликнулся добрый товарищ Турецкий. – Во мне два человека. Добрый и злой. Сегодня как раз дежурит добрый. Злого, Костя, лучше не буди. Еще раз говорю, я в отпуске! – Турецкий даже повысил голос.

– Саша, боюсь, уже нет. Ты вышел из отпуска и едешь в Волжск. Работать под прикрытием.

– Что?! – вытаращился Турецкий.

– Что слышал. Хотя ничего страшного. Ты человек хоть и публичный, но за пределами столицы вряд ли кто знает, как ты выглядишь.

– Да что это за бред, черт побери?! – Расслабленный отпускник не поспевал за поворотами мысли начальника. – Под каким прикрытием?!

Меркулов пожал плечами, налил минеральной воды и придвинул стакан Турецкому. Турецкий его даже не заметил.

– А что такого? – делано легкомысленно сказал Меркулов. – Вспомни, сколько я тебя ругал за всякие оперативные вылазки? А ты всегда говорил, что гробить свою молодую жизнь в кабинетах не собираешься. Вот и... А тут, сам подумай, Волга. Лето. Красота! Просто завидую тебе.

– Ври больше... Волга... А в ней небось море трупов? Иначе из-за чего сыр-бор?

Меркулов на секунду задумался.

– В реке – море... Неплохой литературный образ, знаешь ли. Нет, там нет никакого моря трупов. Другая совсем проблема, и я тебе уже ее обозначил.

Турецкий повращал глазами, словно стимулируя работу извилин, которые находились в отпуске еще больше, чем он сам. Тем более что он сам как-то разом вдруг устал от такой перемены своего ближайшего будущего.

– Коррупция, кажется...

– Именно. Ты, может быть, слышал уже, что полномочного представителя президента в Поволжском округе собираются менять?

– Ничего я не слышал, – раздраженно сказал Турецкий.

– И правильно. Потому что этого еще никто не слышал. Эту информацию я получил сегодня в Кремле.

– А что старый полпред? Проворовался, что ли?

– Отнюдь. С ним все в порядке. Едет послом в одну восточную страну.

– Так в чем проблема, я не понимаю? Где коррупция?

– Проблема в том, что следующим полпредом президента будет один из нынешних боссов Волжска. По крайней мере, так предполагается. А у меня есть информация, что там не все чисто. Совпало, понимаешь?

– Ничего я не понимаю.

– Рассказываю. И Меркулов рассказал. Сотрудник Волжского

УФСБ некто майор Веснин прислал ему конфиденциальное письмо, в котором сообщил, что имеет сведения о коррумпированности крупного местного чиновника, а конкретно... начальника Волжского управления Федеральной службы безопасности. И если Меркулов подтвердит свою заинтересованность такого рода информацией, то он ее получит. Смысл обещанного доклада Веснина был следующий: начальник УФСБ по уши погряз в

коррупции. Делает деньги абсолютно на всем. Ни для кого не секрет, что служебные тайны в нашей стране, как и во всем мире, продаются и покупаются – за очень большие деньги. А ведь предметом интереса в последнее время являются не только тайны военные. Предметом интереса могут быть технологические решения, обеспечивающие их владельцу (неважно – стране или отдельной компании) преимущества в экономической конкуренции. Помимо коррупции Веснин обвинял Тяжлова именно в торговле служебными тайнами.

Пока что это были голые обвинения. Доказательства Меркулову должен был привезти курьер Веснина.

Меркулов предположил, что это не пустые обещания, свою заинтересованность подтвердил и приготовился ждать. Общались они с Весниным только через электронную почту. Если Веснин был прав, если он действовал самостоятельно, то он подвергался серьезной опасности.

Если... если только все это было не чьей-то хитрой игрой, с намерением, например, дискредитировать самого Меркулова или всю Генпрокуратуру – в том случае, если Меркулов, получив доказательства, неправильно ими распорядится, а они окажутся сфабрикованы.

Но вряд ли.

У Константина Дмитриевича были основания поверить, вместо того чтобы заподозрить чьи-то коварные планы или даже вовсе глупую шутку какого-нибудь молокососа-компьютерщика, сумевшего раздобыть его личный адрес. Дело в том, что два года назад Меркулов участвовал в семинаре с аналитиками правовых органов Волжского региона. На этом семинаре присутствовал способный аналитик из ФСБ майор Веснин. Этот чекист, не смущаясь никакими авторитетами, вел себя раскованно и активно, задавал Меркулову и прочим докладчикам непростые вопросы, подходил к Меркулову в перерывах и после окончания заседаний. Все разговоры были по делу и свидетельствовали об изрядной компетентности Веснина и о его живом интересе к собственному делу. Но Меркулов хорошо запомнил майора-аналитика – плотного, атлетичного блондина не только поэтому. Был еще один примечательный эпизод, который помог оценить Веснина дополнительно.

В некоторый момент в кинопроекторном зале прямо посреди демонстрации документального фильма о новейших психологических тренингах возникла пауза – возникли проблемы со старенькой «видеопушкой». Меркулов попросил свет не зажигать и паузой воспользовался по-своему – предложил своим слушателям переключиться и разгадать своеобразный ребус.

– В некотором здании было три офиса, – сказал Константин Дмитриевич. – № 1, № 2 и № 3. Сотрудники первого офиса всегда говорили правду. Одну только правду и ничего, кроме правды. При любых обстоятельствах. Сотрудники второго – ровно наоборот. А работники третьего были – серединка на половинку. Теперь представьте себе, что вы пожарник, который сидит в своем пожарном участке. Раздается звонок: у нас в офисе пожар! А где вы работаете, спрашивает пожарник. В № 3, в середине на половинку, отвечает звонивший. Возникает вопрос: откуда на самом деле был звонок?

Через несколько минут размышлений аналитики предложили уйму версий, вполне обоснованных и имеющих право на существование. Меркулов слушал их рассеянно, пока не раздался голос Веснина:

– Если я пожарник – не имеет ни малейшего значения, откуда был звонок. Ведь все офисы находятся в одном здании, и, значит, шансы, что оно горит, – пятьдесят процентов, учитывая лжецов, честных и «серединок на половинку». По статистике же процент ложных вызовов на пожар составляет меньше десяти процентов. Значит, надо срочно ехать.

Меркулов не мог не оценить раскованность и в то же время системность мышления Веснина. Он попросил включить свет и предложил следующую историю:

– Хорошо, исключим социальные факторы. Допустим, вы заключенный, у которого есть шанс выйти на свободу, если только вы справитесь со следующим заданием. Перед вами две двери, одна из них ведет на волю, другая – дорога к смерти. Вас стерегут два охранника. Один из них всегда говорит правду, второй – ровно наоборот. Кто из них кто – вам неизвестно. Задача в следующем: вы должны определить дорогу на свободу, задав один вопрос одному из стражников. Какой вопрос вы зададите?

Ответ Меркулову были готовы дать девять аналитиков из десяти собравшихся. С небольшими вариациями, решение было таково: показав на конкретную дверь, заключенный должен спросить: твой товарищ сказал бы, что ЭТА дверь ведет на свободу?

Десятый аналитик, не торопившийся с ответом, был Веснин. Меркулов не мог не обратиться на это внимание.

И наконец, Константин Дмитриевич предложил третий ребус. Эта задачка была похожа на предыдущую, только оказалась более сложной. Перед узником снова было две двери – путь на свободу и дорога к гибели. А вот охранники изменились: первый – либо «лжец», либо «правдец», а второй – «хитрец», то есть человек, который говорит правду и ложь строго поочередно. Они оба знают, какая дорога ведет на волю, но узнику неизвестно, кто из охранников кто. Как ему определить дорогу в такой ситуации?

В просмотром зале повисла пауза. Меркулов с любопытством ждал ее окончания. Минуты через две Веснин сказал:

– Надо задать два вопроса. Меркулов подавил на лице довольную ухмылку и кивком предложил Веснину задать эти самые вопросы. И Веснин ровным голосом, лишенным каких бы то ни было эмоций, продолжил:

– Надо спросить: ты хитрец? Ответ «нет» будет означать, что на второй вопрос этот человек скажет правду. Второй вопрос – показав на любую дверь, надо спросить: эта дверь ведет на свободу?

Девять аналитиков с явной досадой слушали это простое, в общем-то, решение. С досадой – потому что никому из них не пришло в голову попробовать уточнить условие задачи. Все по инерции решили, что вопрос должен быть только один, в то время как Меркулов намеренно смягчил формулу: «Как определить дорогу?»

Просмотр фильма был возобновлен, а по его окончании Меркулов спросил Веснина, почему, в отличие от коллег, он не стал отвечать на второй вопрос.

– Девять человек готовы были дать ответ, – пожал плечами майор. – Это была просто потеря времени. Даже если бы все они ответили неверно, у меня было бы достаточно времени, чтобы выслушать эти версии и составить свою – чужие размышления на основе уже имеющихся фактов – дополнительный хлеб для аналитика.

Меркулов дал Веснину свою карточку и сказал, что был бы рад сотрудничеству в любой форме, не подразумевая, впрочем, под этим ничего конкретного.

...Но курьер майора Веснина в Москву так и не приехал. Прошло уже три дня с момента назначенного срока. Сам Веснин на связь тоже больше не вышел. Меркулов пытался связаться с ним через своего частного знакомого, проживавшего под Волжском. Тот приехал в город, с телефона-автомата позвонил в приемную местного УФСБ и попросил Веснина к телефону. (Рабочего телефона майора-аналитика официально не существовало, а домашний молчал.) Ему ответили, что Веснин в командировке и сроки его возвращения неизвестны. Ездить после этого к Веснину домой было – глупее не придумаешь.

Обращаться в московский офис ФСБ Меркулов, разумеется, не стал. Он решил взяться за раскрутку этого случая «в порядке надзора за следствием в органах госбезопасности», а поручить ее Турецкому А. Б., первому помощнику генпрокурора, госссоветнику юстиции третьего класса.

Меркулов рассуждал так. В зависимости от подтверждения или неподтверждения фактов, излагаемых майором Весниным, нужно или ограничиться этой проверкой, или назначить уже ревизию масштабную и глубокую, с подключением следственно-оперативной группы из Москвы. В их числе будут люди из Следственного управления Генпрокуратуры, Главного управления МВД по Центральному федеральному округу, а также оперативники из центрального аппарата самого ФСБ... Но это потом. А пока что Меркулов не хотел без должной предварительной проверки начинать операцию под кодовым названием «Чистые руки». В противном случае он может опозориться в глазах тех же правоохранителей. И его усилия будут скорее напоминать операцию «Из пушки по воробьям». И это – еще меньшее из возможных зол...

Меркулов рассказывал не спеша и подробно. У Турецкого было время понять, что командировки не избежать, хотя примириться с этой мыслью было трудно – она торчала в нем, как осиновый кол в голливудском вампире. Алекснадр Борисович сказал кислым тоном:

– Ну хорошо, Костя, допустим, этот Веснин действительно существует...

– Он существует, – перебил Меркулов. – Я с ним знаком. И я об этом тебе уже сказал!

– Я помню. Я имел в виду другое. Что к тебе его могли *подвести*. Понимаешь?

– Два года назад?! И столько времени ждали? Да зачем? А я если б я умер?

– Но ты не умер. А они, вот именно, ждали. То есть не просто хотели подвести, а *плавно подвести*. Веснин же не работал все это время с тобой, ты вообще его не видел и не слышал. Поэтому даже не рассуждал о степени доверия, не думал о нем и не вспоминал. А не рассуждал – значит, не сомневался в нем. Так?

Меркулов подумал и кивнул. Турецкий продолжал:

– И вдруг этот «заархивированный» майор просыпается. Многие хитрые шпионские штучки между ведомствами делаются именно так, тебе ли не знать? Кидают наживку. Рыбка заглатывает и живет с ней. Проходит какое-то время, наконец оперативная ситуация позволяет начать комбинацию, и тогда они дергают за леску.

Меркулов посмотрел в потолок.

– А я, значит, рыбка?

– Да называй себя как хочешь, хоть лох-несским чудовищем. Суть не меняется. Доверять Веснину нельзя.

– О! – обрадовался Меркулов. – О чем и речь!

Я же тебя как раз и не призываю ему доверять. Это просто мое личное человеческое предпочтение, и тебя оно не касается. Ты же должен его найти, получить у него обещанную информацию и сделать первичный анализ. А там уже видно будет. – Меркулов был весьма доволен собой.

Тогда Турецкий почесал затылок и выдал новую версию:

– Слушай, Костя, а может, смысл *их* комбинации в том и заключается, чтобы ты послал меня и они меня сцапали? И тогда что?

– Саня, да не много ли чести? – рассердился Константин Дмитриевич. – Да и кого – их?! Кто – они?! – Он посмотрел на Турецкого поверх очков: – Подожди-подожди... Ты... что, издеваешься, что ли, надо мной?

– А что мне остается? – развел руками Турецкий. – Ты, знаешь ли, дорогой друг, тоже поступаешь со мной не лучшим образом. Сам требуешь товарищеского отношения, а ведешь себя как начальник с подчиненным.

– Так ты и есть подчиненный!

– Да помню, – с досадой отмахнулся Турецкий. – Ладно, проехали. Тогда такой вопрос. Почему ты уверен, что в докладе Веснина речь действительно идет о коррупции федерального уровня? Почему этим должны заниматься мы?

– А чем еще? Что ты в виду имеешь? Он прямо заявил, что у него есть сведения о Тяжлове.

– Объясняю, что я имею в виду. У Веснина, скорее, есть не сведения, а точка зрения – относительно того, что его коллеги чекисты работают хреново.

Но! – Турецкий поднял указательный палец. – Существует вызванное десятками поводов и скрупулезно скрываемое от общественности явление, научно именуемое «уменьшением интереса к результатам служебной деятельности», а в повседневности называемое...

– Саня, давай проще! – Меркулов стал терять терпение.

– ...а в повседневности называемое просто пофи-гизмом. Пофигизм как руководителей, так и исполнителей, как правило, приводит к укрытию явных фактов преступлений, незаконным отказам в возбуждении уголовных дел, спусканию «на тормозах» возбужденных дел, непонятым приговорам и другой подобной хреновине.

Меркулов кивнул:

– Понял тебя. Действительно, это всегда не исключено. Это предположить всегда проще всего. Но Веснин – опытный аналитик. А ведь именно в аналитический отдел стекается вся информация из оперативных и следственных подразделений. Вряд ли это просто его субъективный взгляд. Мне все-таки кажется, он знает, о чем говорит. И как раз, учитывая то, что я тебе уже сказал – что следующий полпред будет родом из местных начальников, я считаю, жизненно необходимо этого майора найти и узнать то, что знает он.

– А что, разве полпредом должен стать начальник Волжского УФСБ? Кто он, кстати, такой?

– Генерал Тяжлов? Любопытная фигура. Будет ли он полпредом? Я этого наверняка не знаю. Но шансы такого рода есть. И тенденция в целом, и шансы у него лично. В общем, Саша, готовься к поездке. Отправляешься завтра. А я пока подготовлю тебе материалы на Веснина и Тяжлова. И хорошую легенду. Будешь новым русским. Так что, – Меркулов вдруг подмигнул, – может, отдохнуть у тебя еще и получится! Ну а не получится – лето длинное. Наверстаешь.

– Я все-таки не понимаю, Костя. А почему бы не поговорить с Грязновым, например, и не послать в Волжск каких-нибудь супер-пупер-спецназовцев из МВД? Эти джеймсбонды тебе живо найдут.

– Во-первых, не факт. А во-вторых, если и найдут, то и себя непременно засветят, а это никуда не годится, поскольку операция на начальной фазе – нелегальная. И, кроме того – это самое главное, – поехать туда должен человек, сумеющий по ходу этих поисков провести расследование относительно личности Тяжлова по предоставленным Весниным фактам.

– Так нет же никаких фактов?!

– Я уверен, они еще появятся. У государства должны быть все основания, чтобы обвинять генерала Тяжлова и прочих высокопоставленных людей по разным частям статьи двести девяносто Уголовного кодекса.

– То есть в виновности Тяжлова ты заранее уверен? – ехидно уточнил Турецкий. – А как же демократический правовой принцип судопроизводства, так же известный как презумпция невиновности?

Меркулов, однако, смущен этим ничуть не был.

– Уверен я буду, когда получу доказательства. А пока что я просто не сомневаюсь в компетентности Веснина.

– Вон оно как... А может, тебе за научную работу засесть? Презумпция правоты? Теория майора Веснина всесильна, потому что она верна? – Вопрос, однако, был риторический. Турецкий обреченно вздохнул: – Костя, а ты не боишься, что моя жена тебя убьет?

– Боюсь, – признался Меркулов. – Но рискну. Так что полный вперед. Вас ждут великие дела, мой друг. – Замгенерального подмигнул: – И новые приключения.

– Нет повести печальнее на свете, чем загорать в бронежилете, – пробурчал Турецкий. И ушел не прощаясь.

Турецкий взял в гараже служебную машину и, поскольку от приятной отпускной расслабленности не осталось и следа, решил усугубить рабочее состояние и отпустил водителя. В машине по привычке включил радио.

«Вы знаете, как изменился мир за неделю? Выпущено 89 новых фильмов. На медицину потрачено более 70 450 000 000 долларов США. Суммарное время, проведенное пользователями в сети Интернет в ожидании загрузки файлов, составило более 574 900 000 часов...»

Александр Борисович выключил радио. Все теперь он делал как на автопилоте. Настроение, жизненный тонус были безвозвратно испорчены. О разговоре с женой думалось вообще с ужасом.

Он остановил машину возле парикмахерской. Зашел туда, хмуро кивнул знакомой барышне и сказал:

– Под ноль.

– Александр Борисович?! – ужаснулась парикмахерша.

– Стриги наголо, я сказал. Будем легендироваться.

– Что... мы будем делать? – пролепетала она, неуверенно улыбаясь.

– К сожалению, совсем не то, что ты подумала. Стриги.

Через полчаса Турецкой с головой лысой, как бильярдный шар, вернулся в кабинет Меркулова. Константин Дмитриевич невольно потрогал себя за нижнюю челюсть.

– Ты... ты зачем это? – пробормотал он. Голос у Турецкого был теперь злорадный.

– Ты сам сказал, я – человек публичный. Хоть и не очень. Надо же мне как-то измениться. И еще ты сказал, что теперь я – новый русский. Так что все – один к одному. Гони малиновый пиджак. И цепь золотую потолще. Уф-ф...

В кабинете было по-прежнему очень душно. Турецкий взял стакан минералки, который все еще стоял на столе, и полил себе на лысую голову. Стало приятно.

– Красные пиджаки вышли из моды лет десять назад. – Константин Дмитриевич оправился от легкого шока, встал и внимательно осматривал Турецкого с разных сторон. К некоторому своему удивлению, остался доволен: действительно, без привычной пышной шевелюры Александр Борисович выглядел совсем иначе. Не то чтобы неузнаваемо, но очень по-другому. – Зато комфортную жизнь я тебе гарантирую. Будешь издателем.

– Кем?

– Бизнесменом, который решил заняться издательским бизнесом в Волжске. Там есть газеты и журналы, объединенные в издательский дом «Три кита». Он полгода назад прекратил свою деятельность, обанкротился, а глава холдинга сидит под следствием в Матросской Тишине. Вот что я придумал. Мы сделаем вид, что следствие закончено и издательский дом отошел к тебе за долги. В кои-то веки почувствуешь себя богатым человеком.

– Так что, я там газетами управлять должен? Я же в этом ни черта не понимаю!

– Это нетрудно, – успокоил Меркулов. – А потом, они сейчас все равно не выходят. Справишься. Надувай щеки в правильных местах, и все получится как нельзя лучше. И вообще это нетрудно. Запомни ключевую фразу: «Я привлеку стратегического партнера, который заинтересован в развитии проектов издательского дома и готов в это инвестировать». Ну-ка повтори?

Турецкий повторил со вздохом.

– Отлично, – одобрил Меркулов. – Издатели в средствах массовой информации все равно ничего не делают, они только деньги отстегивают.

– Надую и отстегну, – пообещал Турецкий. – Но пока ты мне вот что скажи. Кто этот самый курьер Веснина? Кого ты ждал?

– К сожалению, я этого просто не знаю – встреча не планировалась. Курьер должен был оставить для меня почту в почтовом ящике на Центральном телеграфе. Она там не появилась. Ничего нового сообщить тебе не могу.

– Черт побери, Костя, ты вообще что-то о нем знаешь, об этом Веснине, кроме того, что он плотный блондин и супер-пупер-аналитик?

– Кое-что. Я же сказал, справочку тебе подготовлю. В дороге считаешь.

– Его друзья, семья, окружение? – продолжал настаивать Турецкий.

Меркулов покачал головой.

– Он женат, это – да. Ребенок есть. Но больше – никакой личной информации. Только служебная. Фээсбэшник же.

– Костя, тебе не приходило в голову, что у него могут быть соратники?

– То есть?

– Со-рат-ни-ки. Что тут непонятно? Люди, которые с ним заодно. Идеино. Понимаешь? Чапаев и Петька. Дон Кихот и Санчо Панса. Роналдо и Ро-налдиньо. Макаров, Ларионов, Крутов.

– Хватит! Что ты пытаешься мне сказать? Говори по-человечески.

– Допустим, у него есть соратник. Или близкий друг, на которого он может положиться. Вот он и послал такого человека в качестве курьера. Зачем вообще ему нужен был курьер? Почему он не послал свои бумажки по обыкновенной почте? Это же его была идея, не твоя?

– Да. Вероятно, Веснин подозревал слежку. Вероятно, не доверял даже местной почте.

– Вероятно. А курьер не доехал по каким-то причинам. Может, у него инфаркт случился в дороге. А может, уже и в Москве. Почему бы не проверить, что происходило эти три дня на пути из Волжска в Москву?

– Хм... Ты, Александр, предлагаешь исследовать криминальные сводки на территории в тысячи квадратных километров?

– Костя, это у тебя от жары замедление в мыслях, ты не расстраивайся.

– А ты не хами.

– Я говорю сейчас только о сотрудниках Волжской ФСБ, – терпеливо пояснил Турецкий. – Это же государственные люди. Если с таковыми случалось что-то экстраординарное по пути из Волжска в Москву или в самой Москве, то это отследить возможно. Конечно, если его перехватили в Волжске – очень затруднительно.

Меркулов помолчал, внимательно глядя на Турецкого. Кивнул:

– Попробовать стоит.

Вечером следующего дня в спальном вагоне скорого поезда Москва – Волжск ехал московский бизнесмен Петр Петрович Долгих. Он был совершенно лыс и очень походил на одного высокопоставленного работника Генеральной прокуратуры и лицом, и одеждой, и даже мыслями! Но... мало ли в жизни бывает похожего.

Господин Долгих вел себя степенно и недемократично – в разговоры ни с кем не вступал и все время проводил в своем закрытом купе.

Турецкий уехал из Москвы даже с некоторым облегчением. Дома было уж очень нехорошо. Жена не разговаривала. Зато дочь предложила, пока волосы не отросли, сделать пару татуировок.

Что ж, раз уж отпуск накрылся медным тазом, действительно хорошо, что работа будет не в Москве, иначе чувство вины перед Ириной за очередной загубленный отдых в совокупности с бесконечным выяснением отношений превратило бы жизнь в сущий кошмар.

Пока что путешествие проходило благополучно. Если не считать, что проводница была хорошенькой и откровенно строила Турецкому (то есть господину Долгих!) глазки. Но Долгих терпеть не мог железнодорожные романы (именно так решил Турецкий) и, пару раз гра-

мотно ей нахамив, обеспечил себе полный покой. Купе он занимал один, пил чай и лежа разглядывал экран своего ноутбука.

ТЯЖЛОВ Афанасий Константинович Тяжлов родился в 1952 году в Горьком. В 1970–1972 годах служил действительную службу в армии. В 1978 году окончил 1-й факультет Высшей школы КГБ имени Дзержинского по специальности «правоведение». Служил следователем особого отдела Закавказского военного округа, старшим следователем по особо важным делам в Среднеазиатском военном округе. С 1983 года – старший следователь УКГБ по Москве и области. Работал начальником 5-го, «диссидентского», отдела. В 91-м году стал руководителем 3-й службы (борьба с организованной преступностью), замначальника УКГБ Московской области. В январе 1994 года назначен начальником Управления по борьбе с контрабандой и коррупцией Министерства безопасности России. С мая 1999 года – работает в УФСК (УФСБ) Волжской области заместителем начальника, с 2004 года – начальником управления ФСБ.

...Фотографии Тяжлова не было. Меркулов сразу предупредил на этот счет. Вообще-то первые лица силовых структур, пусть и провинциальных, люди, как правило, публичные, но тут пришлось столкнуться с неожиданной неприятностью – генерал Тяжлов к таковым не относился. Было несколько газетных фотографий – на различных приемах в Кремле, где его лицо то и дело что-то заслоняло.

Турецкий призадумался.

Итак, что получается. Тяжлов занимался диссидентами, еще пятнадцать лет назад руководил 3-й службой, уже всю делал столичную карьеру и вдруг... оказался в провинции. Он, правда, и сам родом с волжских мест, но вряд ли так уж ностальгия замучила, что Тяжлов собственноручно упросил начальство отправить его в Волжск. Это ведь был явный откат назад в карьере.

Турецкий подумал, что не мешало бы позвонить Славе Грязнову. Грязнов вполне мог знать генерала из органов, еще в начале девяностых бывшего начальником Управления по борьбе с контрабандой и коррупцией. Мог знать его и лично, а мог ведать и что-то любопытное про Тяжлова, так сказать, заочно. Турецкий глянул на часы, было половина одиннадцатого вечера. Он решил позвонить Грязнову завтра, уже из Волжска.

ВЕСНИН Олег Николаевич Веснин родился в 1970 году в Киеве в семье военного и медсестры. Закончил Киевское общевоинское училище. После полугода службы в пограничных войсках начал работать в Федеральной службе контрразведки, позднее ФСБ. Первые пять лет – на оперативной работе, потом – на аналитической. Начальник аналитического отдела Волжского УФСБ. Майор... Кандидат исторических наук. Кандидат в мастера по шахматам, первоклассный игрок в покер. Женат, воспитывает восьмилетнего сына.

Фотография Веснина была. Внятно очерченные черты лица, крепкий подбородок, открытый взгляд. Хорошее лицо. Турецкий сразу понял, почему этот мужик понравился Меркулову. Как ни пошло это звучит – Веснин был из тех, с кем можно идти в разведку. Тем более что он сам, так сказать, из разведки. Да и женщинам наверняка нравится.

Имелось еще немало биографических данных – этапы карьерного роста, даты получения званий и государственных наград, характеристики времен учебы в Киевском училище и службы на границе, куцые психологические характеристики. Все это были сведения на редкость бесполезные. Турецкий был раздосадован. На полноценное досье они никак не тянули. И на Меркулова это мало походило – подобная подготовка. Но уж видно, чем богат был Константин Дмитриевич...

Зазвонил мобильный.

– Слушаю.

– Саша, ты был прав! – Меркулов, легок на помине. – В двухстах километрах от Москвы, на границе Волжской и Московской области, на станции Смоляковка, три дня назад

был обнаружен труп капитана Волжского ФСБ Смолякова. То есть он выехал в тот же день, когда мы с Весниным обо всем договорились.

– Костя, ты не оговорился? Смолякова – на Смоляковке?

– Именно. Такой вот печальный каламбур.

– Как же он умер?

– Убит четырьмя выстрелами в вокзальном туалете, во время остановки поезда. Ехал в Москву.

– Откуда это известно?

– По информации транспортной прокуратуры. На месте преступления было обнаружено четыре гильзы от пуль калибра девять миллиметров, предположительно от пистолета Макарова.

– Или Стечкина, – машинально отреагировал Турецкий. – Эти патроны замечательным образом подходят Стечкину, если ты забыл. А что у него было с собой?

– Кто ж теперь знает? Что было, то сплыло. Что и требовалось доказать. Увы. – Меркулов помолчал. – Так что снимаю шляпу... Но все это значит, что Веснин в серьезной опасности. Хочется верить, что он успел спрятаться. Ищи его, Саша.

– И кто теперь ведет дело?

– Угадай с двух раз.

– Понятно, – вздохнул Турецкий. – Фээсбэш-ники забрали...

– Следственное управление УФСБ Волжской области.

– Жаль.

– И не говори. Ладно, отдыхай...

– Стоп, Костя! – спохватился Турецкий. – Но ведь по закону все дела о военнослужащих расследуются Главной военной прокуратурой. А Смоляков – капитан. ФСБ – не армия, конечно, но у него – воинское звание. Сечешь?

Меркулов помолчал. Сказал после паузы:

– Ты хочешь мне ненавязчиво напомнить, что военная прокуратура является подразделением Генеральной?

– Конечно! И значит, Генеральная прокуратура, в конце концов, может решить вопрос, кто будет дальше заниматься тем или иным делом, если оно имеет сверхважное значение. Государственное.

– В общем, так, – сказал Меркулов. – Ничего не обещаю. Но ты свисти мне, когда до места доберешься, а я тебя, может, чем к тому времени пораду.

Это было уже что-то. Надежда, по крайней мере, на развитие событий не только в Волжске, но и в Москве... Турецкий спохватился:

– Стой, стой! А если мне понадобятся какие-то оперативные действия? Мы такой вариант даже обговорить не успели.

– И что же, – ухмыльнулся Меркулов, – ты сам не сможешь их провести? По-моему, тебя хлебом не корми – дай побегать да последить за кем-нибудь.

– Я не о том. Если у меня рук и ног на все не хватит? И потом, не забывай, мне надо быть на виду, если я член общества.

– Ты прав, – согласился Меркулов. – Извини, не подумал. Но в пару с тобой отправить никого не могу. Выкручивайся.

– Славку просить?

– Нет уж, обойдись, пожалуйста, без официальной и, главное, государственной помощи. В том же и смысл твоей поездки, ты разве забыл?

– Да помню, – досадливо огрызнулся Турецкий. – Но как же тогда... Парней из «Глории», что ли, подключить?

– Как обычно, – согласился Меркулов. – Валяй. Разберешься, – закруглил разговор Меркулов. – Счастливого пути, легкой дороги, мягкой посадки.

– Я на поезде, – напомнил Турецкий.

Но в трубке уже были короткие гудки.

На сон грядущий Турецкий решил полюбоваться и на себя любимого. Его биография была тоже подобающим образом составлена и уже вброшена куда нужно. В Волжск приезжал не бумажный фантом, а реальный человек со своей историей. Вкратце она выглядела так.

ДОЛГИХ Петр Петрович Долгих родился в 1959 году. Получил среднее образование. В середине 80-х привлекался к суду за мелкое мошенничество, получил условный срок. В начале 90-х годов приватизировал на российский манер компанию «Севералюминий». Приобретал за бесценок акции у сотрудников, перед этим месяцами не выплачивая им заработную плату. В конце 90-х Долгих решительным маневром заполучил бывшее государственное предприятие «Московский дизель» – является теневым собственником этого предприятия. В последующие годы Долгих превратил «Севералюминий» и «Московский дизель» в современные предприятия, получающие сегодня многомиллионные прибыли. В 2000 году передал управление компаниями топ-менеджерам и уехал в Европу, где проходил двухгодичную практику в западных компаниях (Англия, Германия, Италия) и изучал менеджмент СМИ. Вернувшись в Россию в 2002 году, занялся издательским бизнесом, для начала купив акции нескольких московских издательских домов. Ходили слухи, что Генпрокуратурой на него заведено дело по итогам незаконной приватизации, но слухи так и остались слухами – таких дел в новейшей российской истории практически не случалось. Непредсказуем в поступках, крайний индивидуалист. Не пользуется охраной. Разведен, имеет трех детей от разных браков.

Турецкий довольно хмыкнул и плеснул в чашку из темной бутылки из-под дорожущего коньяка. На самом деле это был «Русский Размер», но кто это знал, кроме него? Забавно было и то, что на этикетке самого «Русского Размера» имелся термознак, защищающий от подделки. Но ведь там не было сказано, что запрещается прятать в другие емкости, подумал Александр Борисович.

Он машинально поискал взглядом на столе что-нибудь соленьенькое или хотя бы свеженькое – не нашел и усмехнулся, потому что вспомнил, что водка эта настаивается на молодых огурчиках. Сама себе закуска...

Он потушил свет и закрыл глаза.

Между прочим, еще в Москве, когда Турецкий вник в детали «своего нового бизнеса», выяснились небезынтересные факты. В Матросской Тишине сидел второй глава издательского дома – Никита Легостаев. В «Трех китах» он изначально руководил ежедневной газетой «Волжские ведомости», а сам холдинг возглавил после безвременной гибели прежнего руководителя. Произошло это так. Накануне уик-энда, пятничным вечером, президент издательского дома «Три кита» Леонид Алексеевич Беренштейн занимался в своей квартире фитнесом. Лежа на одном из тренажеров и поднимая штангу, Беренштейн разговаривал по телефону со своим подчиненным, как раз Легостаевым – у Беренштейна в ухе был наушник, а возле рта микрофон. Внезапно штанга упала Беренштейну на шею, он не смог поднять ее и умер. Крайне нелепая смерть. Вот так Легостаев возглавил «Три кита». Алиби на момент гибели Беренштейна у него было безупречное. Но руководил он «Тремя китами» всего несколько месяцев – очень скоро предприятие, к ужасу Легостаева, оказалось банкротом, а сам он, по неопытности наподписывая кучу ненужных документов, – в Матросской Тишине. Ну да все это были дела, может, по-своему и занятные, но к секретному докладу Веснина и его исчезновению отношения не имевшие.

Утром, когда поезд был уже в двух часах езды от Волжска, Турецкого разбудил новый телефонный звонок. Турецкий ждал сообщения от Меркулова, но вместо этого позвонил Грязнов.

– Петр Петрович? – пропел знакомый ехидный голос.

– Чего? – оторопел со сна Турецкий. В принципе он помнил, что он – Петр Петрович Долгих, но, во-первых, его так еще никто не успел назвать, во-вторых, эта новая личина, озвученная Славкиным голосом, выглядела уж как-то совсем фантаσμαгорически. – А, ну да... То есть он. Да. А с кем имею честь?

– С Иван Ивановичем!

– Иван Иванович, а не пошли бы вы на хрен?

– У меня к вам дело, Петр Петрович. А потом пойду с радостью, куда скажете.

– Стоп, – спохватился Турецкий, просыпаясь окончательно. – Так и у меня к тебе дело! Ты знаешь такого перца, генерала Тяжлова?

– Что-то знакомо вроде...

– Начальник Волжского УФСБ, Афанасий Константинович Тяжлов.

– Так сразу и подумал, что гэбэшник, – фыркнул Грязнов. – Саня, что у тебя за манера? Чуть какой вопрос – так обязательно про гэбэшника. Это даже неприлично уже становится. Просто дурной тон. А еще – Петр Петрович...

– Славка, не томи! Ты же явно можешь мне помочь. Вот сам посуди. Он еще в девяносто первом был руководителем отдела по борьбе с оргпреступностью. А в середине девяностых – начальником Управления по борьбе с контрабандой и коррупцией. Я уверен, ты не мог с ним не сталкиваться в свои муровские времена!

В трубке возникла пауза.

– Ты здесь? – забеспокоился Турецкий.

– Я-то здесь, а вот ты – явно в каком-то другом измерении. Я не знаю такого человека. Саня, ты ничего не путаешь?

– У меня его послужной список перед глазами.

– И что в нем сказано?

– То, что ты только что слышал.

– Это чушь какая-то, – категорично заявил Грязнов. – Я знаю, кто руководил этими отделами. Никакого Тяжлова там в помине не было.

– Славка, уверен?

– На все сто. На сто пятьдесят даже.

Турецкий призадумался. Что же это могло значить? В Москве ему не пришло в голову поинтересоваться, откуда Меркулов получил сведения на Тяжлова и Веснина, в телефонном разговоре он не успел, но теперь это будет не лишним.

– А ты можешь выяснить, чем Тяжлов занимался в это время? Ну и вообще все, что возможно про него узнать. А, Слав? Очень нужно.

– Попробую, – хмыкнул Грязнов. – Тем более что ты меня даже заинтриговал. Но быстро не обещаю. Все, бывай.

– Подожди, – спохватился Турецкий, – а сам-то зачем мне звонил?

– Хотел спросить, сколько ты на Волге пробудешь. Может, в гости к тебе скоро загляну.

– Это вряд ли. Я ж бизнесмен, – напомнил Турецкий-Долгих. – Мне с ментами якшаться не к лицу, ха-ха.

– А может, я продажный мент, коррумпированный? – предположил Грязнов. – Слышал, может, бывают такие. Вдруг я тебе чем полезен буду? А ты меня за это шикарным ужином угостишь. А я тебе – служебную информацию солью. А ты мне – девочек клевых подгонишь. А я тебе...

– Ну тогда другое дело, конечно, – прервал Турецкий поток грязновской фантазии.

Он умылся, побрился, полюбовался в зеркало на свой сверкающий череп (а может, и правда – татуировку?!) и, вернувшись в купе, позавтракал. Сразу же захотелось закурить, но Турецкий решил посмаковать первую утреннюю сигарету и, не торопясь, вышел в коридор.

И кто же стоял по соседству?

Антон Пятибратов, выдающийся писатель земли волжской, собственной персоной! Значит, его московские гастроли уже закончились. Вид у Пятибратова теперь был немного печальный, не то что в книжном магазине. Может, какой-нибудь издатель не заплатил причитающегося гонорара? Турецкий, ухмыляясь, подумал: да, мы, издатели, такие. Хотел было поздороваться и напомнить, как давеча Пятибратов подписывал ему книгу, но вовремя спохватился, что у него теперь другой имидж. Да и литератор вряд ли его запомнил – в потоке других покупателей, да еще и с волосами.

А книга Пятибратова у Турецкого как раз была с собой. Называлась она «Киллер-двоечник», и Турецкий в нее еще не заглядывал. Он выкурил в тамбуре сигарету «Давидовф», которые в последнее время предпочитал прочим не только потому, что табак в них был крепкий и сочный, а еще оттого, что они были длиннее остальных. Вернулся в купе. До Волжска оставалось еще минут сорок пути, и Турецкий полистал детектив.

Насколько он понял, это была история не о школьнике, как могло показаться по названию, а о незадачливом учителе, который в уличной драке повел себя так неловко, что ненадолго отправил на тот свет двух хулиганов. Физической силой он не обладал, сноровки был лишен напрочь, зато обладал способностью влипнуть в неприятности подобно герою Пьера Ришара из «Невезучих». Его наняла мафия, приняв за настоящего киллера, и по недоразумению он перестрелял своих заказчиков. Написано это было бойко и вкуче с занимательным сюжетом читалось, видимо, легко. Причина читательского успеха Пятибратова стала Турецкому понятна. Ну а то, что Ирине Генриховне такая литература претит, это просто факт ее личной биографии и ничего более.

Турецкий выглянул в коридор. Пятибратов по-прежнему паялся в окно. Турецкий все же решил завязать разговор. Все-таки он видный бизнесмен и, кстати, издатель. Пятибратов – видный деятель культуры и, кстати, писатель. Во-первых, им есть о чем поговорить, во-вторых, Пятибратов поможет ему разобраться в местных «тусовках». Главное – найти правильный подход, в меру небрежный, в меру солидный. Например, подать голос, не выходя из купе.

– Как там у вас Волга нынче? Пляжи есть хорошие?

– Волга... – как эхо повторил Пятибратов. – Какая Волга...

– Да уж не машина, конечно. Река.

– Река... Какая там река?... Где вы видели реку?... Что происходит в мире? – грустно сказал Пятибратов. – Огромный поток информации. Пробки на дорогах. Испорченная экология. Мы растворяемся в этом кошмаре и бреде. Мы – никто, мы просто частица какого-то безумного действия...

«Псих, кажется, – подумал Турецкий. – Ох уж эти культурные деятели. Надо от него подальше держаться. Что же Меркулов не звонит?»

Меркулов в то самое время, когда Александр Борисович ждал его звонка, психологически обрабатывал генерального – хотел заручиться дополнительным весом в борьбе за дело Смолякова. Меркулов, который был заместителем генерального прокурора по следствию, мог самостоятельно решить этот вопрос, но пока только в теории. Что же ждало его на практике, он не знал. Не исключено, что чекисты будут упираться всеми силами. Кроме того, он не хотел светиться. Если предположить, что переписка Веснина с ним была известна тем, кто позже перехватил курьера (вполне возможно, учитывая печальную участь Смолякова), то сам факт интереса Меркулова к делу об убийстве Смолякова скажется негативно.

Генеральный прокурор Владимир Михайлович Кудрявцев, в свою очередь, с одной стороны, был раздражен тем, что Меркулов отчего-то вдруг не может самостоятельно решить текущую проблему, с другой – совершенно не жаждал свары с ФСБ по какому-то несерьезному поводу. Зачем вообще надо отбирать у них дело?! Будто у Генпрокуратуры своих мало!

Тогда Меркулов привел свой аргумент о косвенной связи гибели сотрудника Волжского УФСБ с назначением нового полпреда. Как обычно, политика все перевесила. В результате договорились так. Меркулов все же будет действовать автономно, но при необходимости Кудрявцев, обладающий самостоятельным политическим весом, подключится. Меркулов был уверен, что эта необходимость возникнет, осторожный Кудрявцев в то же самое время думал, чем в таком случае мотивировать свой отказ Константину Дмитриевичу. Вмешаться он не собирался.

Ошиблись оба.

Волжское УФСБ по первому же звонку (который по просьбе Меркулова сделал его коллега и добрый знакомый, зам военного прокурора Алексей Сергеевич Кузнецов) переслало дело в Москву! Военная прокуратура, собственно, даже еще и не требовала дело, зам военного прокурора только попросил проинформировать о текущем ходе следствия, а затем (согласно инструктажу Меркулова, который сидел рядом) сказал, что не исключено – Москва на каком-то этапе подключится... И тут же начальник следственного аппарата Волжского УФСБ Никаноров предложил немедленно передать дело в Москву. Меркулов радостно закивал, хотя это было и необычно. Ни одна контора на свете не предлагает другой (тем более, по сути, конкурирующей!) забрать ее деловые бумаги. А уж в юридической сфере это и вовсе невозможно себе вообразить.

– Леша, – сказал Меркулов Кузнецову, когда тот положил трубку, – спасибо огромное. Но скажи... тебе ничего не показалось странным?

– Я не психолог, – ответил Кузнецов. – Но такое чувство, будто Никаноров ждал моего звонка. Может, просто дело заковыристое и он сам не рад, что его получил?

– Все может быть.

– Ну так что, Костя, я это дело забираю?

– Черта с два, – сказал интеллигентный Константин Дмитриевич с азартом. – Я забираю это дело!

Меркулов решил, что делом об убийстве капитана Смолякова будет заниматься «важняк» Генпрокуратуры советник юстиции Владимир Дмитриевич Поремский. Ему в помощь был придан майор Леонид Золотарев, старший следователь Главной военной прокуратуры, а при необходимости для оперативных и розыскных мероприятий должен был подключаться старший опер МВД Владимир Яковлев – это уже был кадр Грязнова, причем еще с муровских времен. Так сформировалась следственная группа: Поремский, Золотарев и Яковлев.

В Волжске Турецкий взял такси и велел водителю покатать себя по городу. Учитывая, что о деньгах он не заикнулся вовсе, таксист посмотрел на представительного пассажира с уважением.

Волжск город немаленький. Нарядный и довольно чистый, и не только в центре, и со своей историей. Тут было на что посмотреть. Турецкий задавал короткие вопросы и получал всеобъемлющие ответы. Если и есть на свете люди, которые знают все, то они работают не в Генпрокуратуре, не в ФСБ и уж точно не в издательском бизнесе. Они работают в такси.

– Жара, блин, тропическая, – жаловался водитель. – А цены еще круче. Ползут и ползут!

Турецкий вспомнил, что он бизнесмен, и назидательно сказал:

– Во всем мире торговля и сервис ждут не дождутся лета, которое всегда означает приток покупателей и клиентов. А в России, в отличие от Запада, лето – самый нелюбимый сезон для, допустим, хозяев кафе и ресторанов. Убытки терпят.

– А что ж на Западе?

– В Европе владельцы ресторанов, кафе и просто дешевых забегаловок летнего сезона ждут с нетерпением – туристы гуляют допоздна, да и свои «родные» горожане целыми семьями часами сидят в этих заведениях на открытых террасах. Прежде всего, из работы выпадают выходные дни – люди уезжают куда-то за город, а в понедельник многие еще не возвращаются, поэтому есть ощутимый недостаток клиентов. В остальные дни сильно влияет погода: чем жарче, тем больше заказывают напитков и меньше еды, а значит, и выручка оказывается меньше. Вот как тут у вас в Волжске на выходные?

– Натурально пустой город, – кивнул таксист. – Зато речной транспорт процветает. И вообще, весь новый бизнес сейчас за город, к реке жмется.

– А еще аптеки зарабатывают, алкогольный бизнес, прохладительный...

– Это уж как положено! – засмеялся таксист. – Вот у меня брат на заводе холодильников работает...

Заметив на руке таксиста армейскую татуировку, символ ВДВ, Турецкий задумался. Вспомнил ехидный совет дочери. Представил себе лица Грязнова, Меркулова, генерального... А что? Во-первых, эти лица он увидит еще нескоро, во-вторых...

– Скажите, любезный, где можно остановиться и получить справочку?

– Какую?

– Просто адресок найти.

– Квартирны или офиса?

– Скорее второе, – уклончиво ответил Турецкий.

– А зачем же останавливаться? У меня «Желтые страницы есть», справочник за прошлый год, сойдет? Посмотрите на заднем сиденье.

Турецкий быстро нашел, что требовалось.

«ТАТОО-студия» Менделеевский проезд, 17.

Пирсинг. Нарачивание и дизайн ногтей. Татуировки. Гарантируем, что татуировка сохранится еще две недели после смерти. Подбор индивидуального эскиза. Полная цветовая гамма. Эксклюзивное исполнение. Производство временных красок для имитации татуировки, наносится на кожу (до трех недель), цвет черный.

Вот оно – временные татуировки.

Через десять минут он был в Менделеевском проезде.

«ТАТОО-студия» оказалась вполне цивильным заведением, небольшим таким уютным салоном некарасоты. Мастер по имени Дельта был маленьким молчаливым крепышом в красной майке с надписью «СССР». Мускулистые его руки были покрыты густым слоем разноцветных рисунков по самые плечи. А уж что скрывала одежда, приходилось только догадываться. Красные пиджаки, значит, вышли из моды, как сказал Меркулов, а красные майки, выходит, вернулись.

В соседней комнате, судя по репликам, кому-то наращивали ногти.

– Ой, щекотно! – хихикал голос малоопределенного пола, но все же, скорее, женский.

Другой, уже явно женский, сварливо реагировал:

– Не подпрыгивай, Елка, тебе когти нужны или нет?... То-то же...

Дельта, не мигая, смотрел на Турецкого и ждал. Турецкий объяснил свои пожелания.

– Надпись или рисунок? – спросил Дельта.

– Надпись, пожалуй. В объявлении сказано, что временные татуировки только черного цвета. Это так?

– Цветные дороже вдвое.

– Деньги не проблема. Валяйте.

– Какого цвета?

– Сине-зеленую.

– Это как?

– Чтоб буквы чередовались.

Дельта был по-прежнему флегматичен, наверное, у него случались клиенты с фантазией и посильнее.

– На каком языке?

– А на каком можно?

– Да хоть на суахили. Могу показать альбом. Турецкий решил не мудрить и заказал надпись на

английском. Заплатил не в два, а в три раза дороже – за молчание и за то, чтобы «не была видна рука мастера». Кто знает, может быть, этот Дельта – знаменитый художник и его стиль известен всем и каждому? Нет, пусть считается, что господин Долгих уже приехал таким, каким он станет через двадцать минут.

Пока Дельта колдовал над его головой, Турецкий читал местную газету, в которой разворачивались предвыборные баталии – через две недели должны были начаться выборы. Это знание было не лишним, тем более издателю надо быть в курсе, какие тут, в Волжске, СМИ.

В газете «Волжский умник» его внимания привлекла статья.

СЕРЕБРЯНИКОВ И ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ

Быль

Один молодой человек (из соображений секретности его имя умалчивается) загорелся мыслью охранять самого Серебряникова. Он рассуждал так. Вот сейчас проходит предвыборная кампания, и, значит, у народного трибуна И. А. Серебряникова много конкурентов и недоброжелателей. Кто знает, что может угрожать его жизни, благополучию и репутации?! А ведь Серебряников – наше волжское достояние, с него пылинки сдувать надо. А выясняется – некому.

В общем, этот молодой человек бросил свои дела и устроился охранять Серебряникова. Он стоял у дверей и проверял документы у всех, кто входил в штаб предвыборной кампании Серебряникова. Потому что, если не проверять, может войти какой-нибудь враг. Тем более это было в самом разгаре предвыборных баталий, и нужна особая бдительность. И неизвестно, какую пакость этот враг может сделать. Во-первых, он может застрелить Серебряникова. Во-вторых, что еще хуже, он может его похитить и потребовать выкуп. В-третьих, он может осквернить штаб предвыборной кампании какой-нибудь отвратительной выходкой. Так что, сами понимаете, серьезная, а главное, преданная охрана тут была необходима.

И вот стоит этот молодой человек у дверей штаба и просматривает документы у всех входящих. Работа ответственная и требующая большого напряжения интеллектуальных и физических сил, поскольку документы ведь, в конце концов, можно и подделать, и тогда... Страшно даже подумать...

Но он был не простой молодой человек, у него имелся какой-то там пояс по дзюдо и какой-то там дан по карате-кекусинкай. Так что Серебряников был в надежных руках.

И вот стоял он на своем посту одетый в черную спецназовскую форму. В подмышках по кобуре. На поясе электрошокер. На ремне – наручники. Настроение великолепное. И всем, кто подходил к штабу, он говорил:

– Минуточку, уважаемый! Еще нужно с вами разобраться, что вы из себя представляете. Так что, прежде чем войти, покажите ваш пропуск,

чтобы я мог узнать, кто вы такой. А то я дежурю сегодня в первый раз и еще не много кого знаю в лицо.

Ну и конечно, каждый, кто входил в штаб, безоговорочно показывал такому квалифицированному охраннику свой пропуск. И тогда охранник, отдавая честь, говорил:

– Вот теперь другое дело! Совсем ведь другое дело теперь. Вот теперь проходите. С моей стороны задержки не будет.

Так за весь рабочий день много кто прошел в предвыборный штаб, времени не хватит всех перечислить. И вот, представьте себе, идет сам кандидат И. А. Серебряников. Идет пешком. Скромный такой. В осеннем пальто и даже без головного убора. Идет быстро, но вместе с тем задумчиво. Даже по сторонам не смотрит: до того, видно, углублен в свои государственные мысли. Подходит к дверям предвыборного штаба и хочет туда пройти.

Но охранник, у которого был пояс по дзюдо и дан по карате, не знал в лицо И. А. Серебряникова. Вернее, он, конечно, видел его по телевизору пару раз, но в этот день у Серебряникова лицо было немного не такое, как обычно. Может быть, по причине повышенной задумчивости и углубленности в свои государственные мысли, а может, по некоторой физиологической причине (накануне вечером И. А. Серебряников посетил собственный ресторан, где отведал спиртных напитков собственного же изготовления, чтобы быть ближе к народу). В общем, не узнал охранник Серебряникова. И когда тот уже собрался пройти вахту, загородил ему путь и сказал железным голосом:

– Минуточку, господин хороший! Покажите ваш пропуск!

Серебряников не стал возражать. Он, как бы очнувшись от своей задумчивости, тихо сказал:

– Ах да, пропуск! – И стал искать свой пропуск в брючном кармане. Потом в другом кармане. Потом в пиджаке. Потом вывернул все снова, но пропуск так и не материализовался. Забыл где-то И. А. Серебряников свой пропуск. С кем не бывает? И тогда скромно, как подобает вождю, потупив взор, он тихо сказал:

– Но вы, молодой человек, все равно меня пропустите, потому что я – Серебряников.

– Ну конечно, – обидно засмеялся охранник, – если ты Серебряников, то я тогда – президент Путин.

В этот момент подбежал один из служащих предвыборного штаба и, видя, что охранник не пропускает Серебряникова, возмутился.

– Это же сам Серебряников! – крикнул он. – Пропустите немедленно!

– Без пропуска я затрудняюсь это сделать, – с достоинством ответил охранник. – До этого раза я еще не имел счастья видеть товарища Серебряникова. И вдобавок я вас тоже не знаю и даже не посмотрел еще вашего документа. Может, вы оба чеченские террористы? Может, это провокация?!

– Да я тут сам работаю, вааще! – побагровев, закричал служащий, бесполезно размахивая тонкими интеллигентскими ручонками. – Я начальника охраны на работу принимал! Я тя щас уволю на фиг!

Вдруг Серебряников сказал:

– Не надо ему приказывать, и тем более не надо кричать. Охранник поступает совершенно правильно. Порядок для всех одинаков.

И он потянулся за мобильным телефоном, чтобы вызвать своего секретаря, но молодой человек, обладатель пояса и дана, не зная, за чем он там потянулся, на всякий случай врезал незнакомцу под вздох. Потом по печени. Потом, опрокинув его на колени, погулял по почкам. Потом, поразмыслив, придал телу горизонтальное положение и поработал застоявшимися ногами. Потом, став над ним на колени, взял за уши и с чувством несколько раз ударил затылком об асфальт. Раздался приятный сердцу настоящего мужчины хруст.

Охранник оглянулся в поисках другого «террориста». Но у того случился обморок.

А не遠деке уже завывала сирена «скорой помощи»...

– Я вспомнил, – прошептал вдруг Серебряников, пуская кровавые пузыри. – Он лежит в кармане рубашки... Проверьте, пожалуйста, если вас не затруднит...

Охранник пожал плечами, но проверить – проверил. И действительно нашел там пропуск на имя И. А. Се-ребряникова. Тогда он встал по стойке «смирно», отдал честь и сказал:

– Я прошу извинить, что потребовал ваш пропуск.

Подъехала машина «скорой помощи», Серебряникова положили на носилки. Приподняв разбитую голову, народный трибун прошептал, поскрипывая сломанными челюстями:

– Вы правильно поступили. Благодарю за отличную службу...

Л. Сестричка

Это был не фельетон, это была типичная пиар-акция конкурента этого самого Серебряникова, что заметно было невооруженным глазом. И что-то здорово напоминало. Кажется, какую-то детскую сказку про Ленина... Только кто этот Серебряников?

Л. Сестричка. Лисичка-сестричка, надо полагать.

– А кто такой Серебряников? – спросил Турецкий у Дельты.

Мастер тату на мгновение оторвался от затылка клиента.

– Вы не из Волжска, – не то спросил, не то констатировал Дельта.

От дальнейших расспросов Турецкий воздержался.

Полчаса спустя, облегчив свой бумажник на сотню долларов, Турецкий вышел на улицу, поймал машину и поехал в гостиницу. Еще он купил в салоне белую льняную шапочку, маленькую и квадратную. Если он будет периодически-постоянно ее носить, это объяснит, отчего лысина незагорелая. А учитывая, что у него есть светлый льняной же пиджак, получается ансамбль.

Теперь на затылке у него сине-зелеными буквами было написано: «Жизнь слишком важна, чтобы принимать ее всерьез». Кто не понимает по-английски – это его проблемы, голова – не забор, чтобы с нее свежие новости прочитывать, а кто понимает – сообразит, что сие значит, и с лишними вопросами к обладателю тату не полезет. Ничего вульгарного, ничего особо оригинального. Но этот, так сказать, рекламный слоган, по мнению Турецкого, должен был отражать жизненную доминанту бизнесмена Долгих – расслабленного господина средних лет, уже добившегося успеха и теперь занимающегося делами исключительно в свое удовольствие. На лысах (бритых наголо, точнее!) всегда обращают внимание, и Турецкий решил воспользоваться этим, чтобы пополнить внешний антураж. В каком-то смысле он сам сейчас чувствовал себя художником.

Что ж, время покажет, принесет ли его легкая хулиганская выходка дополнительные дивиденды. Не забыть бы только сфотографироваться, пока волосы не отрастут... Стоп! Что

значит – отрастут?! Голову же надо теперь брить регулярно. Об этом он как-то не подумал. Уже много лет он стригся раз в месяц. А теперь как же?

Турецкий поселился в гостинице «Московская», которая размещалась в центре города в старинном особняке, бывшем когда-то домом местного предводителя дворянства. Это шестиэтажное здание было, по сути, целым кварталом, оно представляло собой замкнутый четырехугольник. Во дворе было сооружено крохотное искусственное озерцо, вокруг него – несколько беседок. Это был ресторан, в котором, по подсчетам Турецкого, набиралось едва ли три десятка «посадочных» мест.

Жить в «Московской» было удовольствием не из дешевых, но состоятельный бизнесмен Долгих о таких мелочах думать не должен. Ему были забронированы роскошные двухкомнатные апартаменты, площадь которых превышала вполне приличную трехкомнатную квартиру Турецкого на Фрунзенской как минимум раза в два.

Турецкий принял душ, с удовольствием подставляя голову под прохладную струю. Облывшись в легкий халат, он вышел на балкон, который выходил в чудесный внутренний дворик. Там было зелено и чисто. Непонятно каким образом в это замкнутое пространство попадал легкий ветерок. Турецкий голову не вытирал и, присев в плетеное кресло с чашкой холодного чая, испытывал незнакомое прежде блаженство. «Так, чего доброго, – подумал Александр Борисович, – еще понравится, и всегда наголо стричься стану».

Итак, план предстоящих действий был прост. Настоящий русский бизнесмен никуда не торопится. Поэтому объявляться в собственном издательском доме Турецкий пока что не планировал. Он ждал новостей из Москвы – и от Грязнова, и от Меркулова. Потом собирался сам сделать несколько телефонных звонков. Нанять машину и совершить экскурсию по городу. Турецкий-то в Волжске бывал неоднократно (правда, последний раз лет пять назад, а за это время город, по слухам, здорово изменился). А вот бизнесмен Долгих должен был предстать перед аборигенами человеком новым и любопытствующим. В том, что на него будет обращено здесь самое разное внимание – обывательское, деловой интерес, пристальный взгляд правоохранительных органов, – Турецкий не сомневался. А потому никто не запрещал ему вести себя ярко и эксцентрично. Наоборот, полагал Александр Борисович, больше будешь прятаться – тщательней за тобой станут наблюдать. И потом, разве можно скрыть такую сверкающую лысину?

Турецкий положил на столик перед собой мобильный телефон и принялся гипнотизировать его взглядом. Периферийным зрением он уже уловил, что с соседнего балкона на него кто-то смотрит. Кажется, женщина. В красной майке. Что это напоминает... Ах да, у Дельты в салоне тату тоже была красная майка. Ну и что? У Дельты на ней было написано «СССР». А у этой дамы едва ли.

Турецкий подчеркнуто лениво повернул голову, но разглядеть не успел – силуэт убрался в комнату, а на столе зазвонил телефон. Это был Грязнов. Голос его звучал довольно обескураженно:

– Петр Петрович, как устроились?

– Не «Хилтон», конечно, но жить можно.

– Что ж, привыкайте к нашим российским реалиям.

– Да уж... И Грязнов, и Турецкий понимали, что, несмотря на то что телефон у Турецкого московский и работает в режиме роуминга, его уже могли здесь, в Волжске, поставить на прослушку – с современными-то техническими возможностями. При условии, конечно, что кто-то *уже* проявил интерес к фигуре московского бизнесмена. Сам же Грязнов звонил с такого аппарата, который отследить нереально, в этом Турецкий не сомневался.

– Ну и хорошо... Хотя бы это хорошо. – Грязнов помолчал.

– А что у нас плохо?

– То, что по вашему клиенту, Петр Петрович, никакой информации.

Речь шла о Тяжлове.

– Разве такое возможно?

– Я неточно выразился. Новой информации – никакой. Мои источники подтверждают старую. В то же самое время ее опровергают, как это уже случилось.

– Будете работать дальше?

– Посмотрим, – проскрипел Грязнов. На этом разговор был закончен.

Ага, понял Турецкий. Есть еще какие-то компетентные люди, которые не согласны с тем, что Тяжлов был тем, кем значится в досье Меркулова. И одновременно есть косвенное подтверждение этого его послужного списка. Плохо то, что ничего не ясно, а хорошо то, что Грязнов теперь не успокоится, пока не выяснит подноготную Тяжлова.

Да! Так как же быть с уборкой номера? Если за ним начнут следить, как он сможет понять, не горничная ли нанята для этих целей? А если и горничная, то что тогда? Оставлять всякие киношные волоски на дверных косяках и прочих закрывающихся местах? Нет, глупо это все, надо просто свести посещения его номера посторонними к минимуму. Подумав немного, Турецкий позвонил портье и договорился, что его номер будут убирать раз в три дня, в строго оговоренное время (получалось как раз, что это будет делать одна и та же горничная). А уж пепельницы он как-нибудь сам опорожнит. Такой вот бзик у московского бизнесмена, что поделаешь.

Он проверил почту. Ура, Меркулов наконец откликнулся. Ответил на вопрос, который Турецкий отослал ему еще утром, – откуда получал сведения на Тяжлова и Веснина и кто готовил справку. Если только это можно было считать ответом, черт бы его побрал. Меркулов написал, что у него имеется конфиденциальный источник информации. Это могло означать что угодно. Но не ошибается ли он, этот самый конфиденциальный источник?

Турецкий вышел прогуляться. Вид у него был беспечный и рассеянный, но на самом деле он целенаправленно приближался к магазину «Мужской стиль». Там он купил себе упаковку сигар «Punch» – не особо дорогих, но изрядно длинных и толстых. Подумав немного, он купил и сопутствующие аксессуары – зажигалку, ножнички и большую деревянную коробку из мореного дуба. При магазине была мастерская, и Турецкий отдал коробку граверу, который должен был сделать надпись на большой серебряной пластине, которую Турецкий принес с собой: *«Петру Петровичу от коллег и сослуживцев – искренне, пусть и с грустью, но с надеждой на новую встречу».*

Александр Борисович вернулся в гостиницу и до конца дня из номера больше не выходил. Смотрел телевизор, лениво «лазил» в Интернете, принимал прохладный душ, пил виски, валялся в постели. Курил сигареты, сигары не трогал, более того, снова упаковал коробку и перевязал ленточкой.

Периодически Александр Борисович высовывался на балкон в ожидании появления женского силуэта в соседнем номере. Силуэта не было, самой женщины – тем более.

День подошел к концу, первый его день в Волжске.

На следующий день Александр Борисович решил заняться машиной.

Едва он вышел из гостиницы, к нему с трудом подошел человек неопределенного возраста, от которого разило, как из пивной бочки, и на удивлении трезвым голосом сказал:

– Ну и как там Москва? Вот так вопросик! Хорошенькое дело, учитывая,

что он здесь под прикрытием. Точнее, безо всякого прикрытия. Прямо как в анекдоте.

«Здесь продается славянский шкаф?» – «Если вы к шпиону, так он этажом выше».

– «Ма-асковская» в смысле? – уточнил тем временем алкаш.

У Турецкого отлегло от сердца.

– Мужик, срочно добавь на пузырь! – вполне утвердительно, уверенный в своем праве, заявил алкаш.

В Москве Турецкий сделал бы доброе дело, не задумываясь, но здесь надо было блюсти имидж. Едва он об этом подумал, к алкашу подскочили секьюри-ти из гостиницы, и куда бедняга девался дальше, Турецкий не узнал. Наверно, его аккуратно положили отдохнуть где-нибудь в соседнем дворике.

Такси Александр Борисович брать не стал.

В автосалоне «Magic-avto», расположенном в пяти минутах ходьбы от «Московской», на перекрестке улицы Репина и Столыпинского проезда, Турецкому было оказано повышенное внимание. Его лично обслуживал управляющий лет пятидесяти, представившийся просто Аликом, на самом же деле, как свидетельствовал бейджик на кармашке белой рубашки с короткими рукавами, его звали Алексей Иванович Волков. Алик немного погрустил, что такой приятный и солидный господин берет машину напрокат, а не покупает, но выразил надежду, что и выбранное транспортное средство, и сам город столичному бизнесмену так понравятся, что он, в конце концов, в Волжск переедет и вот тогда машину непременно купит!

– Тогда уж яхту, – вроде как легкомысленно отозвался Турецкий, в то же время отметив, что управляющий выдал себя с головой: этот Алик безусловно заранее был осведомлен о том, кто его покупатель. Значит, за ним, за Турецким, уже кто-то наблюдает. Что ж, одним сомнением меньше, так даже лучше.

– Прекрасно, – вскричал Алик, – замечательно и превосходно! По счастливому совпадению, у моего племянника как раз этот бизнес! Все для опытных яхтсменов! Вы знаете, как широка Волга в наших местах?! Море, а не река!

– Ладно-ладно, машины пока показывайте. Подведя гостя к сверкающему шведскому автомобилю, Алик торжественно заявил:

– Хочу предложить вашему вниманию «Вольво S80». Скандинавы оставили за владельцем автомобиля бизнес-класса право иногда садиться за руль. Мотор V8 работает, как триста пятнадцать лошадей. Забота о безопасности по-прежнему радует...

– Еще что-нибудь покажите.

– «Даймлер супер-8»! Между прочим, сегодня одним из показателей коммерческого успеха автомобиля класса люкс является востребованность модели на ближневосточном рынке. А в начале прошлого века, когда султанов еще таскали на носилках, будущий английский король, принц Уэльский Эдуард Седьмой, уже всюю раскатывал на «Даймлерах». Салон, отделанный капом и ореховым деревом, тридцать девять дюймов пространство для ног задних пассажиров и славное королевское прошлое стоят того, чтобы обеспечить этому красавцу место в своем гараже.

– Вы историк?

– Нет, – несколько обескураженно ответил Алик.

– Тогда дальше.

– Прошу сюда! «Мерседес S600». Триста пятидесятый и пятисотый «Мерседесы» из новой линейки пятого класса появились в России еще прошлой осенью, сразу после премьеры на Франкфуртском автосалоне. А вот легендарный «шестисотый» доехал до нас только к началу этого года! Пятьсот семнадцать лошадей и четыре с небольшим секунды разгона до сотни – характеристики, достойные гоночного болида, но S600 едва ли кто-то покупает, чтобы «погонять». Кресла с функциями массажа!

Турецкий отмахнулся. Он, конечно, новый русский, но не до такой же степени.

– Может... выскажете какие-нибудь пожелания?

– Еще «немцы» есть какие-нибудь?

– А как же! Обязательно. Непременно. Вот, пожалуйста. «Ауди Q7»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.